

Н.П. Шаламова

Дневник любви...

Челябинск,
Цицера
2007

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6
Ш18

Ш18 Шаламова Н.П.

Дневник любви. — Челябинск : Цицеро, 2007. — 112 с.

Эта книга сложилась из реальных дневниковых записей, начатых автором в четырнадцатилетнем возрасте. В них раскрывается внутренний мир человека, его взаимоотношения с конкретными людьми, обществом, природой. Они являют пример того, как сложно и как можно остаться самим собой в быстротекущем и изменчивом времени.

ISBN 978-5-88931-002-8

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6

© Шаламова Н.П., 2007.

1959

25 сентября

Это не первый мой дневник, поэтому начинаю писать без предисловий.

Много я начинала вести дневников и ни один не закончила. Это, конечно, плохо. Сейчас объясню, почему я не кончала предыдущие дневники.

Это происходило потому, что велись они в основном в седьмом классе, то есть в прошлом году. А тогда... тогда я переживала то, что переживает почти каждый в 13–14 лет. Но далеко не каждый, и мне кажется, что даже никто не сумеет объяснить всё так, как это было на самом деле.

Да! В это время я узнала, нет, это будет слишком грубо, я впервые ощутила, пережила самое прекрасное человеческое чувство.

Конечно, многие сейчас со мной не согласятся, кто-нибудь даже усмехнется. Да, конечно, вы правы — это еще не настоящее глубокое чувство, но всё же чувство это было прекрасно. И об этом были все мои дневники.

Потом, конечно, всё прошло, я поняла, что это была не любовь, поэтому в самом последнем дневнике уже осуждала себя. Но сейчас мне кажется, что осуждала я себя за это напрасно.

Я полагаю, вы сейчас подумали, что все вернулось снова... Да, возможно, все вернулось снова, но только не совсем похожее на то, что было в прошлом году.

Ну вот, у меня, как и в каждом дневнике, получилось длинное вступление, а ведь я хотела без предисловий...

Несколько дней назад шевельнулось во мне далекое чувство. Да, именно шевельнулось и именно далекое. Это даже не то, которое было в прошлом году. Нет. Признаюсь, что было у меня чувство и в шестом классе.

Вот теперь уж вы наверняка не усмехнетесь, а рассмеетесь. Конечно, смешно подумать: девчонка двенадцати лет — и вдруг какое-то чувство.

Да, понравился мне один мальчишка. Я его очень хорошо знала с семи лет.

Это был мальчишка как мальчишка. Конечно, кое-чем он отличался от других. Ведь каждый человек имеет что-нибудь свое, присущее только ему. Но это бывает только в характере, а характер очень трудно узнать.

Ну вот я и опять отвлеклась. Кажется, я говорила о мальчишке. Мальчишка как мальчишка. Разве только любил иногда прихвастнуть больше других, да волосы на затылке всегда торчали в разные стороны. Они и сейчас не хотят у него ложиться, сколько он их ни приглаживает.

На этом я прерываю свои записи. Почему? Сейчас объясню. Начала писать я в 11 часов вечера, а сейчас взглянула на часы — уже полпервого.

Продолжаю писать. Сегодня **26 сентября**.

Сейчас тоже половина первого, но не ночи, а дня.

Ну так вот, мне нравился Володя У., нравился он мне в шестом и в начале седьмого класса. Но вот в классе появился Валера Л., и у меня возникло чувство к нему. Нет! Я его люблю, да люблю! Я поняла, что любила его всегда. Л. — это просто так. Я ведь его не знала. Если бы это была любовь, то чувство не прошло бы через год.

17 октября

Нет, я люблю Л. Чувство мое не прошло и не пройдет, оно только затихло. Я не могу смотреть на него без смущения. Как только взгляну на него, чувство возрастает с новой силой.

Почему-то всегда возникают противоречия: то мне кажется, что я люблю одного, то другого. Ведь так не может быть.

18 октября

Я люблю его, только его!!!

Чувство снова то же, что было в прошлом году. Нет, даже какое-то не такое, а большее. Мне очень хочется идти в школу, чтобы увидеть его. В нем есть что-то такое особенное, не такое, как у всех! И, вообще, далеко не все считают красоту внешней красотой души.

«Красота человека — это его душа, сердце... Имей душу, имей сердце и будешь человек во всякое время», — сказал Денис Фонвизин и сказал очень хорошо и правильно. Но как узнать ее, душу?

20 октября

В седьмом классе я ощущала что-то совсем особенное. Часто не находила себе места и, если это случалось вечером, садилась за стол и писала стихи. Они как-то складывались сами собой. Если же это случалось днем, я шла к Нине К. Приду и скажу: «Нина, ты знаешь, зачем я к тебе пришла?» — «Да, знаю, затем, зачем и я к тебе ходила».

Скажу: «Нина, ты не будешь смеяться?» — «Нет, не буду». Тогда я начну говорить. Говорила все, что было на душе. А она улыбалась, может быть, в душе и смеялась. Сейчас я тоже улыбаюсь, когда пишу эти строки. Стихи мои читала только Нина.

Конечно, стихи были очень и очень глупые. Я писала их на чем угодно: в тетради, на листе бумаги, в блокноте, а часто и совсем не записывала. Они как-то забывались, вместо них возникали другие. Позднее я стала записывать их в тетрадь.

Часто мы с Ниной К. вечером гуляли по улице и говорили, говорили. Позднее я вела дневники, их тоже читала Нина К. Но все это было в прошлом году.

А сейчас я одна. Некому обо всем рассказать. Плохо, когда нет друга. Никто не прочитает этот дневник. Да, никто! Некуда мне пойти и сказать: «Знаешь, зачем я к тебе пришла?» И даже никто не посмеется надо мной и над моими стихами! А как хочется сейчас бросить все и идти куда-то! Куда?! Я и сама не знаю.

Почему я люблю его?! Ведь он меня не любит!!!???

3 ноября

После того, как я написала последние строки, прошло 12 дней. За эти дни я многое передумала. Были стихи, были минуты, когда все валилось из рук, были моменты, когда хотелось идти куда-то, зачем-то. Опять как в ту зиму хотелось в деревню, в бор, в лес, в поле!

Встать на лыжи и побегать так, чтобы ветер свистел в ушах и чтобы на душе стало светло и радостно, как весной! И бежать, бежать, нет, не бежать, а лететь до тех пор, пока не выбьешься из сил. А потом упасть в снег, зарыться с головой, закрыть глаза, и когда открыть их, то уже не будет снега. Теперь ты лежишь не в снегу, а на молодой травке. И ты встаешь и бежишь, а вокруг все поет и ликует, бегут ручьи, на берегах распускаются листья.

Сначала ты побежишь в поле, а там по вспаханной земле расхаживают грачи, а в небе парит и заливается жаворонок.

И ты слушаешь его, слушаешь, и хочется тебе взлететь и тоже запеть, чтобы голос звенел и разливался.

Но вот ты бежишь в лес, а там тоже все поет, звенит и ликует, и шумят березы молодой листвой.

Вот уже стали попадаться сосны, а вот и бор, где пахнет хвоей и не видно неба, не видно всей его широты, как в поле. Сосны шумят, но не глухо и настороженно, как летом, не тревожно, как зимой, а тихо и ласково.

Везде хорошо весной: и в поле, и в лесу. Весной!!! Только весной ты по-настоящему чувствуешь красоту природы, величие жизни! Только весной ты чувствуешь радость жизни! И кажется, что вместе с весенними ручейками убегают все тревоги, и на душе становится светло и радостно!

4 декабря

Любовь должна приносить радость, а не страдания. Она должна помогать жить и работать, а не служить помехой этому. Когда любишь, на душе должна быть весна. Так разве же у меня любовь?

Когда я была в деревне, однажды мы ходили в кино и смотрели «Золушку». Детский фильм, сказка. Но мне запомнились последние слова короля. Я не помню их дословно, но смысл таков: так пусть же живут в нас эти прекрасные чувства.

Когда я шла домой, на душе было чуть-чуть тревожно и в то же время радостно. И вот тут как бы невидимая рука сжала мое сердце. Я вспомнила свое чувство.

17 декабря

Я думала, что все прошло...

Теперь я часто задумываюсь: как возникло у меня к нему чувство? Как и когда это произошло? Этого я не помню. И почему я решила, что это любовь?

Мне было плохо, хотелось рассказать кому-нибудь обо всем. И больше всего мне нужна была Нина К., но ее не было. Вернее, она была, но для меня ее уже не было. Она стала вожатой в четвертом классе с другой девочкой. С ней они возвращались из школы, с ней впоследствии она стала сидеть за одной партой.

Возможно, Нина К. нашла себе настоящую подругу. А у меня не было друга, а это тяжелее всего.

Мне нужно было кому-то все высказать. Но кому? Я попыталась рассказать обо всем Л. С. (с которой сию). Сначала я думала, что она девочка серьезная, но это оказалось не так. Я поняла, что, рассказав ей все, я бы глубоко раскаялась.

Потом я решила вести дневник и писать в нем тогда, когда хотелось с кем-то поделиться. Еще до дневника мне хотелось писать. Я начала писать рассказ «Сашка, или Первая любовь», но не закончила. Я поняла, что мой рассказ неинтересен. В это же время я, конечно, писала стихи и, конечно, глупые.

Однажды Лина С. пришла к нам, но меня не было дома. Тетрадь со стихами лежала на столе. Она случайно взяла ее и прочитала. Потом я узнала, что она тоже пишет стихи, в которых есть смысл, но нет рифмы. У меня же наоборот — есть рифма, но нет смысла.

Ну, хватит писать, скоро уже в школу. Сейчас напишу о самом главном.

Однажды у нас было три урока. Нина К. предложила нам с Надей Богомоловой сходить в кино. Мы согласились. Пошли сначала в один кинотеатр, но там уже не шла та картина, которую нам хотелось посмотреть. Тогда мы с Ниной решили пойти в другой кинотеатр на картину «Солнце светит всем». Надя же идти не захотела.

Я радовалась, что мы остались вдвоем. Придя из кино, мы долго гуляли. Я была счастлива в этот вечер. Это был

самый счастливый день в этом учебном году. Я думала, что все вернулось и мы вновь стали друзьями. Мы много говорили. Она сказала, что ей тоже нужно было кому-то сказать все. Она хотела сказать мне, но не было случая заговорить со мной, да и откровенности уже тоже не было. Я видела это, но все же надеялась, что, если дружба возобновится, то откровенность появится сама собой.

Нина сказала: «Давай снова будем...» Но через некоторое время добавила: «А ведь дружбу не предлагают». И тут снова между нами появилась невидимая стена. Но сначала я не придавала этому значения. Разговор продолжался, но как-то холодно, отчужденно.

Придя домой, я еще на что-то надеялась: может быть, мне просто показалось. Но увы, не все в жизни получается так, как хочется.

1960

9 января

Первый концерт Чайковского! Сколько в нем жизни! Здесь всё — любовь и весна — как бы вливается в жизнь! Да ведь это и есть сама жизнь! Послушаешь это произведение и захочется жить, творить, дерзать! Первый концерт Чайковского придает силы. Слушаешь его и чувствуешь величие жизни и ее красоту! И вообще, Петр Ильич Чайковский — это волшебник, нет ничего прекраснее его музыки.

Мне кажется, что писателем, поэтом может стать каждый или почти каждый, а композитором — лишь человек необыкновенный. У него не только талант, а что-то большее, совсем особенное. Нужно иметь большое сердце и прекрасную душу...

В самом начале учебного года мне часто хотелось писать, дневник я тогда не вела. Начинала писать рассказов пять, но всегда бросала, так и не закончив.

24 января

Давно я ни о чем не писала в своем дневнике.

За эти дни в моей жизни ничего необычного не произошло. Сегодня тоже обыкновенный день, воскресенье. Но сегодня, именно сегодня мне хочется писать. О чем? Пока я и сама не знаю.

Сейчас я прерываю свои записи.

26 января

Позавчера я была вынуждена прервать свои записи. Позавчера впервые за много дней наступило вдохновение.

Ну что ж, постараюсь описать, что смогу, сегодня.

Позавчера повеяло весной. Казалось, что почки на сирени вот-вот распустятся, но до этого, конечно, еще далеко. Мне, как и в прошлом году, захотелось, чтобы весна пришла скорее. Поэтому я поставила ветки сирени и березы (а потом и тополиные) в воду.

В прошлом году у меня были ветки тополя, они скоро распустились, дали корни. Мне очень хотелось посадить эти веточки в землю, но не было места. А как хотелось, чтобы они росли. Я бы смотрела на них и вспоминала о своей первой любви.

3 февраля

Вчера я не спала всю ночь и все время думала о нем. Зачем?

2 марта

Чувство сильнее, чем в прошлом году, оно даже какое-то не такое, как было раньше. Но почему-то мне не хочется рассказать обо всем кому-нибудь, мне даже кажется, что и рассказывать не о чем. Действительно, о чем? О чувстве?

12 марта

Улица моя! Протянувшись больше, чем на два километра, она состоит почти полностью из деревянных старых домов, хотя и расположена в центре нашего огромного города. Ничем не примечательная, она почти не изменилась за пятнадцать лет.

Начинаясь от подстанции, она кончается парком культуры. Летом наша улица, как и все улицы нашего города, очень зеленая. Недалеко от подстанции прошло мое детство, началась юность.

13 марта

Уже темнеет, но еще можно писать. Я сижу у окна, выходящего во двор, и смотрю на серое здание. Я смотрю на него каждое утро и каждый вечер, потому что это его дом.

Сейчас ни в одном окне не горит свет, кроме его окна. И всегда хочется, чтобы свет этот появился раньше, чем в других окнах.

Сейчас я одна в нашем немаленьком доме. Но появился свет в его окне, и сразу стало на душе тепло и в то же время грустно, как будто кто-то здесь, рядом, и в то же время далеко-далеко.

Пройдет много лет и, может быть, меня уже не будет здесь, не будет и нашего старого дома. На этом месте построят другой дом, и может быть кто-нибудь другой будет смотреть на окна серого здания и с нетерпением ждать, когда зажжется свет в одном из окон.

Но где бы я ни была, и сколько бы лет ни прошло, всегда буду вспоминать это окно. Буду вспоминать и думать, что где-то в глубине души тоже горит огонек. А может быть, вместе со светом в окне потухнет и огонек в сердце?

13 апреля

Как-то странно получается: весну я ждала с нетерпением, и вот она пришла, но от этого ничего не изменилось, настроение не улучшилось. Наоборот, зимой были чувства, а как только наступила весна, все чувства угасли. Может быть, кончилась первая любовь?

Да, кончилась. Но в сердце еще горит огонек, и гореть он будет всю жизнь. Первая любовь кончилась, но мне кажется, что я никогда не полюблю так, как полюбила в первый раз.

Конечно, в этом дневнике далеко не так все описано, как было на самом деле. Ведь чувства нельзя передать никакими словами, да и писатель я нукудышный.

15 апреля

На этом я кончаю вести дневник, в котором я как бы делилась с кем-то своими чувствами.

Но, не всем, о чем я думала, переживала, а только чувствами. С завтрашнего дня я начинаю вести новый дневник, в котором буду описывать всю мою жизнь и просто писать о том, что думаю.

17 мая

Нет. Из того дневника у меня ничего не вышло. Правда, 16 апреля я описала весь свой день, но на следующий день писать уже не хотелось. Да и писать не о чем. Ведь в моей жизни ничего необычного не происходит. Поэтому я решила продолжать вести этот дневник.

17 сентября

Здравствуй, мой дорогой друг, мой старенький дневничок! Вот и снова я говорю с тобой.

15 сентября на общем собрании комсомольцев школы нас принимали в комсомол. Этот день, конечно, запоминается

на всю жизнь. Но мне он запомнится не только тем, что меня приняли в комсомол, а еще и тем, что на этом собрании не приняли Валеру Л. Оказывается, это сделать не так уж трудно, нужно только найти повод. Ты, конечно, из этого мало что поймешь, поэтому я обо всем расскажу. 15 сентября к восьми часам вечера собрались все будущие комсомольцы. Мы, конечно, очень волновались. Наташа С. успокаивала нас: «Да не бойтесь вы, всех примут».

В класс входили по одному. Входили бледные, а выходили красные. Вышедшего сразу засыпали вопросами: «Что спрашивали, кто задавал вопросы, на все ли ответил?»

Пришли Валера Л. и Юра К. с анкетами (наши анкеты разбирались на собрании). По всему было видно, что друзья не готовились к вступлению.

Рекомендацию Юре дала Мария Семеновна Серчук, наш завуч. А Валере одну рекомендацию дала лаборант физкабинета, комсомолец, товарищ его и Юры, другую — еще один комсомолец.

Мальчишкам сразу дали «Устав», рассказали о чем спрашивают. Конечно, они волновались, особенно Валера. Но виду не подавали.

Первым зашел Юра, внешне спокойный, невозмутимый. Конечно, «Устава» он не знал. Минут через семь вышел, все такой же невозмутимый, с презрительной усмешкой на губах. Его приняли.

Вошел Валера, он очень волновался. И чем больше волновался, тем развязнее вел себя, когда вошел в класс. Он был последним. Мы решили дожидаться всех. Прошло минут десять, а Валера все еще не выходил. Несколько человек подошли к двери и стали прислушиваться.

В классе часто раздавался шум, смех и голос директора, призывающий к порядку. Мы поняли, что здесь что-то не то. Уже прошло пятнадцать минут. Все начали волноваться.

Юра К. не находил себе места. Он то подходил к двери и прислушивался, то шагал по коридору взад и вперед, кусая губы. «К. приняли, а Л. нет!» — то и дело с возмущением говорил он.

Мы подошли к двери и чуть-чуть приоткрыли ее. В коридоре наступила такая тишина, какой сегодня еще не было. А ведь до этого каждого выходившего из класса встречали так шумно, что Наташа С. то и дело выходила, говоря, что в классе ничего не слышно. Но это было полчаса назад, а сейчас все напряженно прислушивались к тому, что делалось в классе.

Володя У., стоявший ближе всех к двери, передавал нам все, услышанное им. Оказалось, что когда приступили к голосованию, спросили мнение Наташи С. Она от принятия воздержалась. А так как кроме нее на собрании присутствовала только Таня Д., ее подруга, вторая и последняя комсомолка нашего класса, то к мнению Наташи С. (ее посчитали представителем нашего класса) прислушалась директор.

Тут приняли во внимание то, что рекомендации даны не коммунистом нашей школы, а двумя комсомольцами, и то, что анкета подана не вовремя (так зачем же приняли К.?).

По этому поводу выступил комсомолец из 10¹ класса. Он сказал, что рекомендации двух комсомольцев равносильны рекомендации одного члена КПСС. С этим все были согласны.

В коридоре поднялся шум. Мы возмущались поведением Наташи С. Как она могла выступить от имени класса, когда класс против? «Конечно, здесь не обошлось без “немки” (учителя немецкого языка — классного руководителя)», — решили мы. Все очень волновались. Вот сейчас проголосуют, и судьба Валеры будет решена.

Но что мы могли сделать? Нужно было что-то, немедленно но решать.

Кто-то предложил от имени класса кому-нибудь войти и высказать свое мнение. С этим согласились. Но кто пойдет? «Владик или Андрей», — говорили многие. Решили, что пойдут оба. Но одно решить, а другое ворваться без разрешения на закрытое комсомольское собрание.

Нина К. тут же сказала, что из этого ничего не выйдет. Сообщить об этом нужно потом. Но большинство было за то, чтобы идти сейчас.

Минуты две Владик и Андрей колебались, но время не ждет. Вот сейчас проголосуют, и тогда все.

«Да идите же скорей», — с волнением говорили все. И Владик вошел. «И ты иди», — говорили Андрею. Несколько раз решался войти и он, но сейчас это было сделать гораздо труднее.

После того, как вошел Владик, на некоторое время установилась тишина и в классе, и в коридоре. В коридоре от того, что решалась судьба нашего одноклассника, а в классе от удивления.

Потом в классе послышался смех, и сразу же вышел Владик К. Сказали, что собрание закрытое и подслушивать нельзя, но просьбу приняли во внимание. Полного решения на собрании не вынесли, но от принятия в ВЛКСМ Валеры Л. воздержались.

Вскоре вышел и взволнованный Валера. Все собрались вокруг него. Он обо всем рассказывал, но я не слушала...

24 сентября

Сейчас перечитала дневник и вспомнила, что ничего не сказала о топоях. Они дали корни, весной я их высадила в землю. Один из них погиб, а другой растет и поныне.

2 октября

Сегодня мы снова патрулировали, уже во второй раз. Правда, первый раз вечером, а сегодня днем.

В первый раз нам было труднее, ведь в нашей группе не было мальчишек, а что могут сделать девочки с хулиганом? Правда, после того, как мы задержали пьяного, нам выделили мальчика — Р. Т. В этот же вечер мы попытались задержать группу хулиганов, избивших Т. Но сделать нам это сделать не удалось, хотя мы вызвали машину милиции.

За хорошее дежурство наша группа получила благодарность.

Сегодня нам достался трудный объект, хотя и в самом центре города, — книготорг. Здесь по воскресеньям мальчишки и даже взрослые, пожилые люди устраивают настоящий базар. Они торгуют марками, спичечными этикетками, монетами. Наша цель — задерживать «продавцов» и отводить их в райком. Но этим, конечно, лучше заниматься мальчишечкам. Они подходят к «продавцам» и вместе со всеми смотрят марки. Кто в чем-нибудь заподозрит мальчишку? На этот раз наша группа снова получила благодарность.

7 октября

Добрый вечер, дневничок.

Сегодня вечером шел первый снег. Да, настоящий маленький снежок. Я шла из школы и не сразу поняла, что это снежинки ложатся на землю. Ведь было не очень холодно, они ложились на землю и сразу же исчезали.

Тогда я высунула язык, и сразу на него село несколько снежинок и растаяло. Ведь снежинки совсем почти невесомые, садятся плавно и сразу же тают. А капли дождя тяжелее.

17 октября

Добрый вечер, мой дружок.

Вчера ночью мне совсем не хотелось спать. За окном выл ветер, как зимой, и казалось, что снегу намело по колено. Тогда в голове сложилась строка. Я поняла, что это стихи.

Без особого труда сложилась вторая строка, подобралась быстро рифма, и получилось четверостишие. Но дальше дело пошло труднее, приходилось задумываться, подбирать слова. И даже сегодня я это стихотворение не окончила.

2 ноября

Завтра должны уже начаться каникулы, но мы еще будем учиться. Сегодня у нас практика. Снова, наверное, будем шить чехлы на стулья.

У нас уже настоящая зима, мороз свыше 20 градусов.

Сейчас бы в деревню! На лыжах покататься! Никогда я не была зимой в деревне, а так хочется съездить. Но разве мама меня отпустит, ведь туда нелегко добираться.

В Кирово все свое, родное. Да и природа там какая! Какая природа! Ах, если бы я смогла все это описать! Теперь я все чаще сожалею, что не поэт...

11 ноября

Дорогой дневничок, ах, если бы ты знал, как мне трудно жить. Кроме тебя, нет у меня совсем друзей. Я не могу, не могу сделать так, чтобы меня уважали! Какая-то я уж чересчур тихая, несмелая. Раньше со мной считались, было много друзей, а сейчас я как-то отошла в сторону, никто даже не замечает моего присутствия.

Да разве это все? Разве я могу описать все, что творится у меня на душе... Разве я живу? Нет, я существую. А ведь я комсомолка!

Мне всегда хотелось сделать много-много хорошего людям. Стараюсь делать хорошее по мелочам, и так приятно, когда люди радуются. Хочется сделать что-то большое, но я знаю, что на деле не смогу. А ведь самое большое и великое — это сознание, что ты нужен людям, что они тебя уважают.

Извини, дорогой, я прерываю записи. Пришла мама, нужно ей помогать.

19 ноября

Здравствуй, дневничок. Вот и снова я говорю с тобой.

На этих днях слушала по радио концерт по заявкам. Вообще, я люблю эти концерты. Ведь в них исполняются наиболее популярные произведения.

Я люблю и считаю, что произведение мне нравится (особенно серьезной музыки), когда при исполнении его душа переполняется чем-то большим, радостным и волнующим, таким, что хочется совершить что-то хорошее. И, когда слушаешь его, жизнь кажется прекрасной. Или такое, когда душа переполняется грустью, и ты плачешь, сначала даже не зная зачем, и рвется куда-то сердцем...

Седьмой класс — это было особенное время. Тогда все открылось по-новому. Хотелось совершить что-то героическое, хотелось поехать на Ангару. Я зачитывалась повестью Анатолия Кузнецова «Продолжение легенды», большое впечатление произвела на меня эта книга. Заучивала наизусть стихи, тоже о комсомольцах, которые воздвигали в Сибири города, поднимали целину.

Именно в седьмом классе встал передо мной вопрос: «А что же дальше?» Вот я учусь в школе. А дальше куда? Вопрос этот, к сожалению, не решен мной до сих пор.

По радио слышатся звуки скрипки, а это мой любимый музыкальный инструмент. Надо послушать...

20 ноября

Вот уже четвертый час дня, а я еще ничего не сделала. Нужно сходить в библиотеку, я давно уже там не была...

Когда исполнилось пять лет, я научилась читать, в шесть лет писать, и когда пошла в школу, то читала лучше всех в классе.

Книги я очень любила, и было у меня их много. Сейчас я их все дарю ребятишкам. Маленьких ребят, особенно мальчишек, я очень люблю.

В детстве я любила читать А. Гайдара, М. Горького, Л. Кассиля. У Гайдара я прочитала все произведения.

Когда мне было восемь лет, я прочла (не помню уже — повесть или рассказ) Л. Кассиля «Синегорцы рыбацкого тона». Впечатление книга произвела на меня большое.

А Гайдаром, Гайдаром я зачитывалась. У наших соседей было полное собрание его сочинений.

В детстве болела часто, и в это время единственной радостью для меня были книги. Мама приносила мне книги из нашей классной библиотеки. Приносила и Гайдара, и я перечитывала еще и еще «Тимура и его команду», «Голубую чашку», «Дым в лесу», «Судьбу барабанщика». А «Военная тайна» меня поразила. Я ее прочитала, когда мне было девять лет.

Трудно сказать, чем поразила меня «Военная тайна», но под ее впечатлением я написала свои первые стихи о мальчишке-октябрёнке Альке, который ничего героического не совершил и погиб от удара маленьким камешком в висок.

Я плакала, и строка за строкой ложились на бумагу стихи. Они не сохранились, но я помню, что их было много, этих, может быть, совсем нескладных стихов. Помню, что написаны они были на больших листах бумаги.

23 декабря

Добрый вечер, дневничок!

Села сейчас за уроки, но вижу, что сегодня мне не до них, хотя, возможно, завтра спрсят.

Знаешь, о чем я думаю? О детстве вспоминаю, как о чем-то очень светлом, ничем не омраченном. Ни в чем недостатка я не испытывала, хотя это и с немалым трудом удавалось маме.

Но вот в чем главное — у меня было много друзей, и мальчишек, и девчонок. Мне было очень хорошо жить. Вдобавок ко всему я и училась хорошо. Ко всем я относилась хорошо, и мне отвечали тем же. Так было вплоть до шестого класса. Потом я стала хуже учиться, авторитет в классе стал резко падать, а это для меня значило очень много. Друзей стало меньше, да и к тому времени у меня их не было, были товарищи. Правда, тоже неплохие.

Потом стали приходиться только за тем, чтобы узнать задание, взять книгу, а часто и списать. Но разве это были друзья? А друг мне был нужен, очень нужен, ведь я всегда, всю жизнь была тихой, застенчивой.

О седьмом и восьмом классах ты, пожалуй, знаешь все. Это был мой переломный год, когда казалось, что все прошедшее где-то очень далеко, а настоящее совсем особенно. То, что было в прошлом году, совсем не похоже на то, что происходит в этом.

Тогда были слезы, слезы радости, и моменты, когда было больно и тяжело, но совсем не хотелось плакать. Было чувство, были стихи, были мечты об Ангаре. Были моменты, когда хотелось выбежать из дома, вырваться из одиночества и идти. Куда и зачем — я и сама не знала, но навстречу чему-то хорошему и волнующему, навстречу ветру.

Когда слушала музыку, сжималось сердце, и к горлу подступал комок. Хотелось в деревню, увидеть просторы лесов и полей. Было и плохое: грубила маме, и сильно из-за этого переживала. А главное, не было друга; потом тяжелое, очень трудное разочарование в том, кому доверяла все сокровенное.

А потом начала вести дневник.

1961

14 января

В жизни все проходит, и любовь тоже. А зачем эти воспоминания? Он не так хорош, как я думала. И разочарование в нем было не таким сильным, как в Нине К., а как-то постепенно все стало уходить. Конец произошел в один из дней нынешнего года — 12 января, когда я узнала об Андрее М.

На душе стало радостно, как не было уже год. Не думай, что сразу возникло новое чувство. Нет, просто стало хорошо от сознания, что кто-то все-таки тебя уважает. Ведь я-то думала, что все принимают меня за несерьезную девчонку, особенно в классе.

Андрея М. я очень уважаю; пожалуй, больше всех в классе.

20 января

Доброе утро, дневничок!

Еще только 10 часов утра, а я уже выучила уроки, правда, не очень хорошо, ну да ладно.

Теперь почти каждый вечер я заучиваю по одному, а то и по два стиха. А утром, как только проснусь, читаю их вслух. Вчера выучила прекрасное стихотворение Валентина Столярова «Что мне нужно для счастья».

25 января

Добрый вечер, дневничок.

Настроение? Самое наилучшее и наихудшее. Ты, конечно, знаешь, что это значит: сама не знаю, какое.

Вчера говорили с Ниной К. Конечно же, о жизни. Ты знаешь, я ее то ненавижу, то очень-очень люблю.

Так вот, вчера я Нину К. любила. Говорили мы на уроке о стихах, о людях, о жизни. А потом почти всю ночь я думала об этом же, но стихов не было. Да и, вообще, давно уже стихи ко мне не приходят...

Может быть, сжечь все эти дневники, а то прочту когда-нибудь и будет стыдно? А впрочем, зачем? Пусть остаются.

Сейчас я ни о чем не думаю, не хочется ни с кем разговаривать.

Наверное, все это глупо, даже хуже — пустота все, о чем я писала раньше. И кому до меня есть дело? Но если бы меня спросили: «Что же у тебя сейчас на душе, расскажи», я бы ответила: «Ничего».

Уже почти час ночи, но я буду писать, потому что все равно не заснуть.

Я никогда не хочу того настроения, которое у меня сейчас, но оно приходит. Изредка, но приходит...

Интересно, что бы получилось, если бы я сейчас дала кому-нибудь прочитать свои дневники и стихи? Не раздумывая, первому встречному.

Этот человек или стал бы смеяться надо мной или посчитал бы сумасшедшей. Да и кому интересно читать чужие дневники?

Но все-таки кому-нибудь я дам их почитать. Конечно, не первому встречному. А может быть, безразлично кому? Не знаю, не знаю.

А как думаешь ты, человек, читающий их сейчас? Не знаю, кто ты. Может быть, действительно первый встречный? Я, конечно, сочувствую тебе, возможно, у тебя нет желания читать дальше. Но, прошу тебя, прочти до конца.

Ты хочешь сразу узнать конец? Ну, уж чего не могу, того не могу. Ведь я и сама не знаю, что будет дальше, и какое настроение из «необъяснимых» у меня будет завтра.

30 января

Доброе утро, дневничок.

Сейчас я вспомнила, что когда-то я ведь и шутить могла. А в седьмом классе Нина К. говорила, что немного учиться у меня остроумию.

Может быть, будет у меня когда-нибудь большое, охватывающее всю жизнь счастье? Может быть, когда-нибудь будут уважать люди во мне человека? Может быть... Когда-то. А сейчас?

Сейчас не будем предаваться мечтам, а сядем за уроки. Хотя вряд ли...

Вчера Нина К. сказала: «У, на твоём месте бы я...» Но она не сказала, что бы сделала на моем месте. Она считает, что мне легче, чем ей. Возможно. А как думаешь ты, человек, читающий эти строки?

Пишу, пишу и как-то легче. А думать хуже.

И не все ли равно: наполучать сегодня двоек или выучить уроки.

Мне говорят: «Трудно тебе будет жить». А потом: «Жизнь научит».

Мне и сейчас трудно, ой, как трудно! Ну и пусть. Другим-то, может быть, не легче. Да и вообще, мне трудно только то, что другим совсем легко.

Разбираться в себе не хочется, лучше буду собираться в школу...

Пришла из школы. Настроение было неплохое. Сначала я хотела написать — ничего. Но ведь ничего и не значит ничего. У Андрея М. детская, совсем детская, улыбка. Сегодня он много смеялся. Я смотрела на него иногда и тоже смеялась.

За сочинение я получила «три». Мне почему-то лучше получить за сочинение «два», чем «три». В классе я всегда пишу так себе, лишь бы что-то было. Не могу сосредоточиться.

31 января

Добрый день, дневничок!

Вот я думаю, что Надя П., хотя она и была в этом году в деревне, не познакомилась ни с одной деревенской девочон-

кой, ни с одним мальчишкой. Она не сможет отличить осину от березы, землянику от клубники. И уж, наверное, скажет, что ель и елка — два разных дерева. Она не знает, как хорошо бродить по лужам после дождя, как до двенадцати ночи, пока не выключат свет, болтать и смеяться с деревенскими ребятами, а иногда и погрузить одной.

А как хорошо, совсем не уставая, ходить по три раза в день за три километра в лес, есть там клубнику с хлебом, нарвать букет ромашек, а потом по дороге оборвать все лепестки (любит — не любит). Ходить все лето босиком по колочей, выгоревшей траве. Рвать голыми руками крапиву и колючий татарник. Уходить в бор на целый день и собирать там землянику, пока не устанет спина. А потом лечь прямо на мох и сухие иголки и есть, есть ягоды. А под вечер ходить за колхозным горохом, который растет прямо во ржи.

А как только солнце начнет скрываться за бором и пригонят стадо, идти за парным молоком и пить его с черным хлебом.

Как интересно залезать на самые высокие березы, пить ледяную воду из ручья (нисколько не боясь простудиться), иногда залезать на самоходный комбайн. Играть с малышами или читать им книжки, рассказывать что-нибудь...

С ребятами я люблю играть. Принесем им песку, они играют целый день, а вечером я им сделаю что-нибудь, расскажу, просто побегу с ними. Они и довольны...

Я и сейчас помню запахи хвои, варящейся на таганке картошки, парного молока. Слышу шум сосен, шелест листьев березок, таракхенья движка.

А как радостно ехать в дождливый, холодный день на открытой машине с большой скоростью, совсем неудобно усевшись, туда, в деревню.

И хотя от долгой, неудобной езды (сорок километров полусидя-полустоя) не разгибаются ноги, все же стараешься идти скорее, ведь знаешь, что тебя ждут друзья...

Я не могу передать словами, как я люблю все это. Помню каждую сосну, стоящую на краю бора. Помню такой необъяснимый оттенок степи, прозрачное, бездонное, широчайшее небо и мутный, узкий по колено Миасс. Помню вкусные пенки земляничного варенья и противные молочные.

2 февраля

Уроки выучила, конечно, плохо. Только просмотрела. Нам сказали, что будем писать сочинение на свободную тему. Я, конечно, очень обрадовалась. Но потом встал вопрос: о чем писать? Правда, я давно уже думала, что если будет такое сочинение, напишу о лесе. И даже знала, как писать.

Сейчас я уже решила точно, что буду писать только об этом. Пусть плохо, несладко, но от души. Пусть будет хуже всех, но я постараюсь вложить в него свою душу. Пусть Валентина Александровна скажет, что чересчур эмоционально, неестественно...

В прошлом году, когда мы писали отзыв по кинофильму, я просто передала содержание, рассказала с душой, что мне запомнилось.

Когда я спросила у А. М. (нашей бывшей литераторши), что я получила, она ответила вопросом: «Откуда списала?» Меня это очень задело. Как так можно говорить?! Почему она думает, что если по литературе «три», то человек не умеет писать? Я вообще не понимаю, как это можно списать сочинение на свободную тему? Ведь такая возможность предоставляется на так уж часто.

Сначала А. М. мне поставила «три», потом сказала, что поставит «четыре», но, перечитав, исправила на «пять».

Все равно эта пятерка не принесла мне радости. Ведь не было доказательств, что я не списала, а написала сама.

Ну ладно, писать кончаю. Сегодня нахватаяю, конечно, двоек... А сочинение я напишу, вот увидите, напишу.

3 февраля

Вчера снова до двух ночи писала сочинение. Почему-то, когда время подвигается к полночи, на меня находит желание работать и работать...

Вот сейчас мама говорит, а я ей отвечаю дерзостью. Нет! Так долго продолжаться не может, нужно брать себя в руки.

Жизнь моя совсем бесцельна. Дни проплывают один за другим скучные, однообразные. Каждый день одно и то же. Пишу, учу уроки, иду в школу. Из школы — снова пишу. И, пожалуй, удовлетворение я нахожу только в том, что пишу, да и то не всегда...

Добрый вечер, дневничок.

Не знаю почему, но всегда, когда у меня улучшается или ухудшается настроение, мне хочется писать.

Сочинение свое я написала, но почему-то совсем не хочется его сдавать. Мне кажется, оно не понравится Валентине Александровне. Она больше любит Нину К. А я ее очень и очень люблю и литературу тоже.

Почему-то мне сейчас очень обидно. Я готова слушать Валентину Александровну бесконечно; всегда урок литературы кажется коротким...

Пожалуй, больше всех учителей я уважаю ее. Она прекрасна как человек и как учитель. Она действительно все силы и душу отдает своей работе. И потом, когда каждый из нас выберет свой жизненный путь, мы вспомним ее и поймем, сколько она нам дала хорошего.

Я бы хотела жить так же: отдать всю душу, все силы какому-нибудь делу, но я не знаю, что у меня в душе.

Я люблю, иногда даже страшно, люблю читать стихи. Мне сегодня на уроке так хотелось прочесть стихотворение! Но она не спросила, и почему-то стало очень обидно. Иногда страшно хочу писать. Плохо, нескладно, глупо, но писать.

Опять музыка Чайковского. Слушаю, и так хочется жить!

4 февраля

Сегодня весна. Все-все какое-то весеннее. И не только небо, солнце, снег, деревья, воздух, а что-то просто неуловимое, что нельзя передать словами.

Но это еще не настоящая весна. Весной воздух прозрачный, и во всем какой-то звон, тонкий и радостный-радостный. А сейчас тоже все звуки весенние, но звона нет. Это я как-то не то, что слышу, а ощущаю...

Боже мой! Какое весеннее небо! Хочется идти куда-то, смотреть на это весеннее небо и говорить, говорить. Конечно, не одной.

8 февраля

Привет, дружок! Вчера снова были стихи. Да, ты прав, если думаешь, что о любви.

Сейчас мне почему-то хочется слушать джазовую музыку, от которой в голове пустота и нет никаких мыслей.

Сейчас в голове у меня один вопрос: «Зачем и для чего?» Я задаю его всем. Одни отвечают: «Так просто». Другие возмущаются, третьи удивляются и начинают втолковывать мне что-то, на я только отмахиваюсь. Ведь я и сама все это понимаю и знаю. Но зачем, для чего все это?

9 февраля

Добрый вечер, дневничок!

Мне очень хочется уйти из класса, из школы. Вообще, куда-то уехать.

Было бы легче, если бы были стихи, но их нет.

10 февраля

Добрый день, дневничок.

Печаль, безграничная печаль наполняет мою душу и сердце. И какая-то обида. А когда же будет безграничная радость и счастье?

Конечно, все зависит только от самого человека. Но ведь я почти все время себе противоречу. Нужно идти в школу, снова не учила уроки. В школе, конечно, тоже будет плохо. И пусть.

11 февраля

Доброе утро, дневничок.

Сейчас все время хочется идти в школу и уходить оттуда совсем не хочется. Иногда в школе мне легко и хорошо, а иногда плохо и трудно. Но там много людей, и поэтому все-таки лучше, чем дома...

Добрый вечер, дневничок!

Сегодня мама прочитала дневник. Конечно, в нем она увидела только то, что я не учу уроков и получаю двойки... Да, это все справедливо. А я ей сказала, что чужих дневников не читают и в личные дела не вмешиваются. Потом она велела мне принести воды из колонки. Я наотрез отказалась...

Потом она плакала и кричала, что больше в школу я не пойду. Раз не хочу учиться, пойду работать, ведь через два месяца мне исполняется шестнадцать лет...

Захотелось выбежать на улицу, уйти навсегда отсюда, где так плохо сложилась моя жизнь. Но еще больше захотелось рассказать обо всем тебе, дневничок. И я осталась.

Теперь буду прятать все дневники и стихи. Да, теперь я убедилась, что далеко не все равно, кто прочтет дневник.

16 февраля

Меня поразила, до глубины души взволновала, я просто не могу выразить словами, как потрясла меня гибель Лумумбы. Мы всем классом решили написать протест против убийства Патриса Лумумбы, требовать строго наказать виновников, протест поместить в «Комсомольской правде».

20 февраля

Как все надоело, дневничок!

Как трудно жить! И все я одна, одна.

Сегодня пришла со швейного и вдруг расплакалась. Не знаю, как я выдержу целую неделю. Я не умею шить. К. Д. кричит на нас, а часто и оскорбляет...

Мне, наверно, не сдать экзаменов на аттестат. Я хочу уйти из школы совсем не потому, что не люблю наших ребят. Нет, наоборот, я их очень люблю. Девять лет жизни значат очень много. Правда, класс у нас не такой дружный, как может показаться сначала. Загляни поглубже и ты увидишь, что каждый живет какой-то своей, не связанной с классом жизнью. А у меня нет этой второй жизни, потому что нет друга...

Вчера были стихи. Их было много. Настроение было какое-то поэтическое, но мама велела ложиться спать, хотя был только час ночи, поэтому написала лишь два стихотворения. Обращать не буду, пусть будут как есть.

Поэтом я быть совсем не собираюсь, но если стихи рождаются в голове, приходится их записывать, иначе они все равно будут неотступно следовать за мной.

Да, я, конечно, не поэт. За примером далеко ходить не надо — гибель Лумумбы меня взволновала, потрясла, но стихов не было. А ведь стихи-то должны идти из души.

21 февраля

Пришла из библиотеки. Ходили с Ниной К., разговорилась с ней. Она обвиняла меня в том, что я не веду никакой работы, что вступила в комсомол только потому, что вступили все. Это тоже не ново, как и все, о чем она говорит со мной. Она сказала, что ее возмущает моя внешняя невозмутимость, что вести себя нужно как-то естественнее. Я говорила, что мне уже не исправиться, такой я буду всегда, если не уеду отсюда.

Она сказала, что вечно я что-нибудь выдумываю. Потом она как-то внезапно ушла, даже не попрощавшись... Почему-то всегда, когда я поговорю с Ниной К., мне кажется, что я далеко от всех, где-то внизу, и что мне никогда не вернуться к ним.

Ты прочитаешь все и засмеешься, назовешь меня глупой. Что ж, смейся, как смеется Нина К., говоря, что я вечно что-то выдумываю. Только ты запомни одно: если я буду уверять тебя, что я равнодушна ко всему на свете, ты не верь этому, никогда не верь...

Лучше всего мне было бы уехать отсюда, но ведь это очень сложно. Уехать — это значит начать новую жизнь. Конечно, я поеду в деревню, там мне будет легче. Но это будет не скоро, только в июле, ведь мы будем еще проходить практику. А пока вся жизнь — треугольник: сон, уроки, школа.

27 февраля

Добрый вечер, дневничок!

Опять тяжело, очень и очень тяжело. Больно.

Вчера я прыгнула с трамвая на ходу, упала и расшибла обе ноги. Было очень больно, но я заставила себя пойти в музей и готовиться к работе по дарвинизму. Но больно и тяжело, конечно, не поэтому.

Я расскажу тебе обо всем, дневничок. Может быть, мы не правы, как ты думаешь?

Было комсомольское собрание девярых классов. Комсомольцев каждого класса разбили на пятерки для дежурства. Извини, дневничок, но сегодня, как никогда, не могу говорить последовательно.

Завтра пойдем отчитываться в райком. Не знаю, что буду говорить. Да и говорить-то там не о чем.

Да, пожалуй, так скверно на душе не было давно. Это не разочарование, когда ничего делать не хочется, когда все кажется глупым и бесцельным.

Сочинение написано давно, я и название ему дала «О жизни леса». Писала я тогда его с душой, но сейчас хотелось бы написать не об этом.

Может быть, о музыке Петра Ильича Чайковского? А может, просто без заголовка, без плана, о своей нескладной жизни?

Как трудно молчать все время! А что я могла сказать сегодня? Может быть, они и поняли бы? Нет. Иначе не превратили бы все в комедию.

Да, сначала была, как и всегда на наших собраниях, комедия. К. кричал. И все без толку. Потом упрасивали, как всегда, Любу выйти к доске и объяснить причину неявки на дежурство. Она пререкалась. После того, как все стали требовать, вышла и сказала, что не была потому, что ее не было дома. Разве это не смешно?

Начались пререкания, главным образом между Володей и Любой. Она повторяла, что ее не было дома, и еще говорила что-то в этом роде.

Потом вышла Нина и сказала, что она предупреждала, чтобы нашу пятерку освободили от дежурства 26 февраля. И что она не смогла прийти по уважительной причине, но что больше это не повторится. Я сказала, что была в музее. Ясно, что это не причина, и естественно, что все возмутились. Я сказала, что могла прийти и не могла.

Потом С. предложила вызвать нас всех в райком. Она сказала, что пусть отчитываемся мы, а не Надя Богомолова. А Надя пришла. Конечно, все верно. Она выполнила свой долг — пришла на дежурство. Она и должна была это сделать.

Все свелось к какой-то ерунде, все получилось глупо до смешного. Из мухи сделали слона, а главное все равно не выяснили.

Это не все, далеко не все. Но разве обо всем расскажешь? Все тоньше и глубже...

Да, спасибо тебе, музыка, как сказал Саша Савельев из письма одного радиослушателя, прочитанного сейчас по радио. Да, если бы не было тебя, моя жизнь была бы совсем серой. Да, пожалуй, только музыка придает мне силы. Да и то не всякая, ведь музыка может быть и очень печальной.

1 марта

Добрый день, дневничок.

Вчера были в райкоме. Я сказала, что прийти могла, но не пришла. Вышло так, что сделала я это сознательно. Вообще-то, все делается человеком сознательно, конечно, если он не болен и в трезвом виде.

Меня спросили, знаю ли я «Устав». Я ответила утвердительно. А за невыполнение комсомольского поручения комсомолец наказывается очень строго.

Меня спросили, сколько лет состою в комсомоле. Я ответила, что около полугода.

Сначала хотели вызвать на заседание бюро райкома, но потом решили обсудить на комсомольском собрании школы. Там я скажу, конечно, то же самое. Ведь вышло бы смешно, если бы я стала оправдываться, сказав, что была в музее.

Конечно, настоящую причину неявки на дежурство говорить в райкоме не следовало. Ведь, если сказать, что договорились не ходить, вышло бы очень глупо. В классе и так все думают: вот заговор какой-то.

Конечно, если даже сказать, что недовольны пятеркой и ни в чем не разобраться глубже, выйдет тоже смешно, как-то по-детски.

Настроение прескверное...

Сегодня первый день весны, а настроение осеннее. Заставить себя учить уроки не могу. Да и вообще я очень безвольный человек. Иногда бываю упрямой, но все говорят, что там, где не нужно.

Весна, а мой тополь еще не показался из-под снега. Сажая этот тополек, я загадала: если он отрастет, то у меня будет вторая любовь.

Тогда я, конечно, всячески это отвергала. А первый тополек погиб. Сначала казалось, что отрос, а потом стал засыхать и погиб, потому что у него сразу были слабые корни. У второго корни были очень хорошие, у него не засох ни один листочек. Наоборот, в первое же лето появилось много новых.

Тогда я и представить себе не могла, что когда-нибудь, даже через десятки лет, забуду Валеру Л. Но прошли не десятки лет, и даже не десятки месяцев, а я вспоминаю об этом, как о чем-то давно забытом. И как-то странно, когда смотрю на Валеру Л. и думаю, что ведь совсем-совсем недавно, чуть больше месяца назад, я любила его, как мне тогда казалось, на всю жизнь.

Вот и третья тетрадь кончается. Первая просуществовала ровно год, а эта ровно месяц.

4 марта

Вчера у нас было общешкольное комсомольское собрание, вернее, диспут.

Было задано несколько вопросов, которые и обсуждались. Вот основные из них:

1. Нравится ли вам наша молодежь?
2. Как вы думаете, что присуще нашей молодежи: целеустремленность или отсутствие цели?
3. Есть ли у нашей молодежи отрицательные черты?

Сначала все, как всегда, молчали. Потом постепенно разговорились.

Почти всем молодежь наша нравится. Почти все говорили правильно, почти во всем я была со всеми согласна. Говорили, что целеустремленность присуща большей части нашей молодежи. Отрицательные черты, конечно, есть. Почти

все назвали стилиажничество и пижонство. Но это, конечно, не ново. Девочки из десятого класса назвали одного такого типа из своего класса. Я его не знаю, поэтому не могу судить, справедливо ли это или нет. Возможно, что да.

Потом спросили, есть ли в нашем классе такие. Мы ответили, что нет. М. С. возразила. Она сказала: «А К. и Л. вы не считаете стилиагами?», — «Нет», — ответили мы.

С. сказал, что мы просто их покрываем и что он полностью согласен с М. С. Тогда встал Владик, он сказал, что знает К. и Л. и что в них произошла перемена в лучшую сторону. Владик своим выступлением никого не переубедил. Почти все были на стороне М. С.

Выступала С., она сказала, что К. способен на любую подлость, так же считает и Нина К. А я не согласна...

Сегодня буду сдавать сочинение, которое писала два дня и две ночи. Не могла ни спать, ни учить уроки. Я совсем не надеюсь, что оно понравится Валентине Александровне.

8 марта

Сегодня 8 Марта, наш праздник. А настроение очень плохое, совсем не праздничное.

Маме я написала стихотворение. Это, конечно, очень и очень скромный подарок, но больше я ничего не могу сделать. Вчера было много стихов. Про Ангару, про поезда...

Сегодня нам мальчишки должны делать подарки. Мы их решили поблагодарить, а они нас не благодарили. Пусть им будет стыдно...

Пришла из школы, настроение испорчено... Мне подарили книгу...

Сегодня я получила «два» по литературе. И ты думаешь за что? За отрывок из поэмы Некрасова. А ведь ты знаешь, что я очень люблю стихи. Настроение от этого испортилось наполовину, а, вообще-то, даже и не испортилось. Мне по-

чему-то хотелось смеяться, смеяться. Правда, не от радости, а так просто.

А праздник-то еще не прошел. На душе становится теплее, когда вспомнишь про книгу, которую сегодня подарили. Я очень рада подарку и благодарна мальчишкам.

9 марта

Ох, какое же настроение весеннее. Снова до слез трогает музыка, хочется идти навстречу ветру, весеннему и свежему, идти и молчать или читать стихи.

Через месяц, 7 апреля, мне стукнет шестнадцать; ну, а дальше что? Уйти из школы трудно, сейчас вдвое труднее, а не уходить тоже нельзя. Измениться я никак не смогу. Не знаю, что делать. Себя сейчас я совсем не понимаю. Странно, люди взрослеют, а я остаюсь такой, какой была два года назад. Не могу понять: трудно мне учиться или же лень, только вот знаний-то у меня почти никаких нет. Какое-то безволие.

Получать подарки очень приятно, а я и дарить тоже люблю. Человек радуется, и у тебя на душе хорошо. Мне много дарят книг. Это очень хорошо.

Пожалуй, если выиграю на лотерейный билет порядочную сумму, то поеду в Кирово. Смешно, правда?

Так вот, если выиграю, то поеду. А ты знаешь зачем? За книгами. Там много книг. И через день мне снится кировский когиз.

10 марта

За работу по дарвинизму получила «пять», но большого удовлетворения не испытываю, потому что усилий затратила совсем немного. Только потеряла воскресенье. Если бы дали работу на лето, я бы писала про лес и луг. А тут ведь своего совсем мало. Нина К. сказала, что у меня работа хороша только тем, что много картинок.

Теперь остается сочинение и реферат по истории. За реферат мне больше четверки не надо. Там тоже нет ничего своего, все из литературы.

А сочинение-то я писала до трех ночи, потом с утра и до самой школы. Вот здесь-то есть частица моей души.

Нинка читала, сказала: «Здорово». А я не верю. Она еще сказала, что никогда бы не подумала, что я так могу писать. И сразу стало плохо. Лучше бы она сказала: «Плохо, очень плохо, но ты могла бы написать лучше». А она удивилась — и очень искренне.

Стихи, которые я подарила маме в день 8 Марта, она показала «нашим», им понравилось, они даже плакали. Но они плачут даже тогда, когда я посылаю им поздравительные открытки. И они удивились тоже.

Я ругала маму, говорила, что она любит хвастать ничем. А стихи ведь и правда плохие. А пишу я их просто так, когда дел много, а делать не хочется, и лезут в голову стихи. Что-бы отвязаться от них, я сажусь за стол и пишу. Мама говорит, что они хорошие, но я не верю, потому что жалею ее, но не уважаю. Я всегда сержусь на нее и доказываю, пока она не убедится, что стихи глупые и никому не нужные. Ей одной я читаю их. Если до семнадцати лет они не пройдут, а, наоборот, будут лучше, содержательнее, можно будет их показать кому-нибудь. А матери всегда все преувеличивают.

13 марта

Тринадцатое число — чертова дюжина, а мы пишем сочинение. Вчера дежурили. Я попала в одну пятерку с Андреем и Ниной. Дежурили плохо.

Мы с Ниной все время возмущались, особенно поведением Андрея. Мне почему-то хотелось, чтобы именно он хорошо дежурил, что-то делал, был поэнергичнее. Я почему-то наперекор себе хотела сказать что-то едкое. Я говорила, что

он на дежурство пришел первый раз и что пользы от него никакой нет. А когда он посмотрел на меня, я почему-то усмехнулась глупо и не к месту. Потом все время избегала смотреть на него.

Когда пришла домой, вдруг поняла, что ему, может быть, стало плохо от того, что я усмехнулась. Может быть, он подумал, что я смеюсь над ним. От этой мысли стало плохо и захотелось писать стихи. И я писала...

Люди что-то делают, хорошо учатся, а я пишу стихи, и пользы от них никакой нет. Еще ни один умный человек не читал их. Сказал бы уж, что они плохие, может, и пропало бы желание их писать, да вот случая подходящего нет. Наверно, я бы уж показала их кому-нибудь, а то до семнадцати лет еще далеко.

14 марта

За сочинение на свободную тему получила «пять», но и этим я почему-то недовольна. Почему? Потому, что нет рецензии. Лучше бы получить «четыре», но с хорошей рецензией, а это что — голая цифра, хотя и высшая оценка.

15 марта

Вчера наметила план «действий» на сегодня и не выполнила. Да, вот как я начала вырабатывать волю.

Теперь я стараюсь как-то управлять своими действиями и мыслями. Не всегда это удается. Но нужно положить конец всему. Ведь когда-то же должна кончиться такая бесцельная жизнь. И чем быстрее появится цель в жизни, тем лучше, тем больше принесешь пользы и себе, и людям.

Пока у меня нет ясной цели. Это плохо, но я поняла, что ищу ее, ищу свое место в жизни. Но я знаю твердо, что буду там, где смогу отдать всю свою душу, все силы людям.

Я ищу, но ищу не в книгах, а в себе, в жизни. Ищу давно, с седьмого класса. И всегда куда-то хочется уехать, что-то изменить.

Раньше, еще в детстве, я считала, что обязательно стану писателем. Писать начала я рано, очень рано. Сначала рисунками. Но это все не жизнь. Это была жизнь, но жизнь, выдуманная мною. Такие рисунки я читала, как рассказы. Читала только себе, изредка — одной маленькой девочке. Меня просто неудержимо тянуло к этим рисункам. Ими я как бы отводила душу, рисовала о том, что меня особенно волновало. С ними я забывала обо всем и могла рисовать часами. Потом, в седьмом классе, пыталась писать рассказы. Начинала с большим пылом, но бросала, не закончив. А потом дневники.

Но сейчас я даже не думаю о том, чтобы стать писателем. Написать о чем-нибудь можно только тогда, когда знаешь жизнь, когда что-то испытал. А разве я знаю жизнь?

Может быть, я и буду писать; наверняка, буду, стихами или прозой. Но писать — это не сидеть за столом и строчить пером сухие фразы, пусть даже о чем-то высоком. Писать — это значит жить, жить широко, во всю свою силу, и тогда строчки будут литься тоже широко, душевно и сильно.

А жить — это значит делать; делать не то, что придется, так, лишь бы отвязаться, а чтобы радость испытывал от этого дела и ты и все люди. Делать во всю силу, а силы у каждого человека огромные.

Только нужно вовремя увидеть и почувствовать их. Если человек волевой, он сам направит эти силы по правильному руслу, а другой, может быть, и не осознает это. А не успеют другие вовремя заметить эти силы, они могут заглухнуть, или истратит их человек на что-нибудь ненужное, а подчас и вредное.

Главное — нужно верить в человека, в его силы, но не верить и ждать чего-то лучшего, сложа руки, а действовать.

Так вот, еще я люблю читать стихи, читаю вслух себе и маме, читаю до слез так, что душа поет и ликует. Хочется жить и читать стихи людям, чтобы и им тоже захотелось жить полной жизнью. Но это только тогда, когда читаешь. Тут не отдашь всю себя. Ведь кто-то будет творить и создавать жизнь, кто-то будет писать об этой жизни, а ты только читать. А разве нельзя все вместе?

Все школьные предметы, кроме литературы, я отвергаю. Над литературой стоит вопрос. Раньше я любила ботанику, зоологию. Я и сейчас люблю лес, люблю природу, люблю всю нашу прекрасную Родину. Да, я люблю и стихи, особенно Кольцова, потому что в них нахожу отклик на эту любовь. В музыке я тоже нахожу отклик, но гораздо больший. И только Первый концерт Чайковского да еще Седьмая симфония Калинникова придают силы, еще раз дают почувствовать жизнь, ее величие, необъятность просторов нашей Родины. Но в жизни нужно уметь видеть не только ликование счастья, иногда жизнь бывает тяжелой, трудной. Самое плохое в жизни — это одиночество. Я несколько лет испытывала его, может быть, и сейчас я одинока, но все же меньше, чем несколько месяцев назад.

В одиночестве все время сосредоточенно о чем-то думаешь, делаешь выводы, иногда неправильные и даже такие, которые впоследствии сказываются отрицательно на всей жизни. Я тоже, конечно, одинока.

В детстве я очень часто подмечала несправедливость. Может быть, поэтому-то я и «писала» рисунками. Первый рисунок, какой я помню, «написала» в 4–5 лет, он был из жизни. Взрослый, посмотрев на него, ничего, конечно, бы не понял. И даже засмеялся, но в нем был смысл.

Я расскажу о нем. С мамой работала тогда врач Анна Николаевна, у нее был пасынок Алик. Сейчас он инженер, и у него уже дети, а тогда ему было лет четырнадцать. Жил он с отцом и Анной Николаевной, мать умерла.

Анна Николаевна очень не любила мальчика. Придя на работу, она всегда говорила, что он много ест, много спит и даже считала, сколько он съел бутербродов с маслом. Мне было жаль Алика, даже сердце сжималось, а помочь ему ничем не могла, ведь я даже никогда его не видела.

И тогда я села и нарисовала на книжке (она у меня сохранилась) мальчика. Это Алик. Сначала он жил плохо, а потом я сделал так, что он стал счастливым.

Герои всех остальных моих «рассказов» по обыкновению были мальчишки. Они были смелыми или застенчивыми, умными и всегда хорошими. Они обязательно много переживали, думали о жизни, их не понимали, но чаще всего все кончалось хорошо. Потом они выросли и стали любить, смешно, застенчиво — в первый раз.

Любили, потом разочаровывались...

А верно, любовь, даже не взаимная, придает какие-то силы человеку, делает его лучше, сильнее. Ведь надежда-то, хоть самая незначительная, может быть, даже и отвергаемая человеком, всегда живет где-то в глубине души.

16 марта

Сегодня встала в шесть часов утра, легла ровно в двенадцать ночи, заснула около часа. Этот пункт плана выполнила, а вот уроки выучить основательно никак не могу.

Читала о Льве Толстом, он говорит, что нельзя делить людей на плохих и хороших. Все мы получаем одни и те же задатки. Дело в том, что у одного человека всю жизнь больше проявляются плохие качества, у другого хорошие, но и те и другие люди в разные моменты жизни ведут себя по-разному.

му. И каждый человек бывает то хуже, то лучше. Я с этим согласна полностью.

Можно прожить с человеком долгое время, но все же совсем не знать его. Мне кажется, что человек узнается или в очень больших испытаниях или же в мелочах.

В повседневной жизни, особенно когда она однообразна, узнать человека трудно, почти невозможно. И всегда, даже в большом коллективе, человек, хоть на несколько минут, остается наедине с самим собой, со своими мыслями. Тогда он не думает о том, чтобы казаться лучше. Посмотри на человека в эту минуту — и ты многое узнаешь о нем.

В нашем классе обязательно кого-нибудь не любят, раньше даже били. Сейчас, конечно, этого нет.

И вот таким человеком всегда был кто-то слабый. Я всегда была не согласна с ребятами и старалась как-то приблизиться к этому человеку, по возможности, чем-то помочь ему...

Сегодня нам сказали, что школа наша будет одиннадцатилетней. Мы занимаемся, конечно, по старой программе.

В школе № 1 нашего района открывается одиннадцатый класс, где будут готовить учителей начальных классов. Это хорошо. Учить людей — это значит уметь вложить в их сердца частицу своей души, зажечь их сердца. Если, конечно, в твоём сердце есть этот огонек. А учить детей — это значит заложить в их души много хорошего от себя.

20 марта

Зима. Снова зима. Снег белый-белый. Пожалуй, его можно сравнить по белизне только с весенними облаками. А ведь март уже кончается. Весной у меня почему-то ощущение чего-то уже прошедшего, часто детского и очень светлого и хорошего.

Когда наступает зима и снег падает на черную землю, на траву и деревья, мне становится чего-то жаль, как будто что-

то дорогое и хорошее ушло, ушло безвозвратно и покрылось снегом.

Но весна все равно приходит, приносит жизнь и радость, но она уже не такая, какой была в прошлом году. Чувствуешь ты ее уже по-другому и понимаешь, что прошел год и ты стал взрослее. Вот потому-то у тебя и возникает ощущение чего-то далекого, хорошего и тихо-радостного.

Вчера читала «Люцерн» Льва Толстого. Хорошо! До глубины души хорошо. Горько, но хорошо. Слушала по радио «Крепостного Паганини» Тараса Шевченко. Потрясло!

22 марта

Весна, мой дорогой, весна! Вчера и сегодня. Ручьи, птицы, солнце — и все это весна. И неудержимо хочется в деревню, в лес, в бор, слушать и слушать шум сосен. А тополек мой все еще под снегом.

23 марта

Сегодня была весна. Я шла по лужам, они были оранжевые и зеленые, красные и голубые — просто радужные. И мне почему-то хотелось идти по ним и идти все время. Я это и делала, шла только по лужам.

Сегодня Нина сказала, что Валентина Александровна очень высокого мнения обо мне. Неужели? Зачем очень высокого, пусть просто хорошего, по-настоящему хорошего мнения обо мне будет В. А. — это для меня будет огромным, настоящим счастьем. И еще Нина К. сказала, что только одна Валентина Александровна (из учителей) увидела во мне душу.

Я была рада, очень рада. Пожалуй, такой радости я никогда не испытывала. Но ведь это только предположение, очень радостное для меня, но предположение. А еще раньше Валентина Александровна говорила при Нине К., что сочи-

нение мое на свободную тему покоряет душевностью, в нем очень много образных сравнений. Но я очень не хочу, чтобы В. А. увидела в нем что-то сентиментальное, увидела в этом только то, что жизнь мне кажется такой легкой сказкой, всегда радостно улыбающейся.

Настроение испортило только то, что все каникулы, каждый день, будут занятия по математике. Неужели эти несколько часов испортят всю весну?

Стихов не пишу давно. Написать хотелось про радужную от бензина воду, да вот стихи не идут.

25 марта

Были в филармонии, смотрели выступления самодеятельности школ нашего района. Преобладали слабые номера.

26 марта

Сегодня почему-то видела во сне, что я летала. Когда летают во сне, значит, растут.

Вышла на улицу после захода солнца. Весеннее небо было ужасно. Залезала на крышу и смотрела на огни города. Это я делаю довольно часто. Почему-то с детства люблю лазить по крышам и заборам.

27 марта

День полон впечатлений. На математику не ходила, но зато была два раза в кино, посмотрела пять фильмов, а потратила всего двадцать копеек.

Тополек уже показался наполовину из-под снега. Значит, весна идет.

3 апреля

Что же это? Любовь? Как же? Вторая? Ничего не пойму.

16 апреля

Добрый день, дневничок.

Давно-давно не бралась я за карандаш. Нельзя сказать, что писать не хотелось. И время было, но вот как-то так получалось, что не рассказывала я тебе ни о чем. А время шло, события совершались: великие, радостные для всех людей, и не такие большие, но тоже значительные для одного человека.

Великое и значительное для всех людей — это ракета с человеком на борту в космосе, с нашим советским человеком. Этого ждали, ждали с минуты на минуту, знали, что должно свершиться не сегодня, так завтра, но все равно были поражены и взволнованы. Больше говорить об этом не буду. Если продолжать писать об этом событии, напишешь лишь то, о чем говорят вот уже четыре дня все и вся, этим заполнен эфир, печать и сердца всех людей.

12 апреля 1961 года — день поистине великий. Это уже никак не скажешь по-другому.

Ну, а что же произошло значительное для одного человека, попросту для меня?

Первое, конечно, то, что 7 апреля 1961 года мне исполнилось шестнадцать лет.

А событий жизни не было в этот день никаких. Все было обычным, будничным, кроме подарков. Но день был хорош, весенний по-настоящему.

Еще в эти дни нам сообщили, что мы едем в колхоз на месяц. Все были рады, и я тоже.

11 апреля снова было решение — уйти из школы. Решила уйти, но знала, что завтра снова пойду не на работу, а буду сидеть за своей партией, передвигать бегунок логарифмической линейки и смотреть в окно на идущие на восток составы.

Так и случилось. Двенадцатого я снова была в классе и не только смотрела в окно, но и восхищалась вместе со всеми подвигом Юрия Гагарина. И вчерашнее решение казалось

смешным и нелепым. «Да и куда я уйду от этих, уже взрослых, мальчишек и девчонок?» — думала я.

18 апреля

Читала о Сергее Чекмареве. Вот это был поэт! Поэт души, делом — всем. Не стихотворец, каких у нас сейчас много, а поэт, именно поэт. Прочитала всего несколько строф его стихов и решила перечитать все его дневники, письма и стихи. Все время я ищу такие стихи, которые отвечали бы чему-то в моей душе. И вот, кажется, нашла.

Да, это был поэт, поэт жизни. Он жил, жил как поэт, как настоящий комсомолец и погиб как герой. Он работал, работал много, во всю свою силу.

А я, да разве я что-то делаю, разве живу во всю силу? И если часто меня и тянет к карандашу, то, наверно, от скуки. А если бы я была поэтом, то писала бы стихи все время, а не изредка.

«Лучше трудно, чем нудно», — сказал Сергей. Я знаю это, но все получается именно нудно.

А любовь, у него была одна большая любовь. А у меня? Или две или ни одной.

Но я тоже хочу жить, жить и любить так, как любил и жил ты, Сергей. Я тоже хочу «сначала жить, а потом уже писать о жизни, сперва любить, а потом уже писать про любовь». Я полюбила твои стихи, полюбила, если можно так сказать, с первого взгляда.

19 апреля

Добрый вечер. Вот и снова я говорю с тобой, дневничок. День сегодня был полон событий, событий больших и хороших, но не о них я хочу говорить.

В седьмом классе я уже любила, но даже не догадывалась о том, что это любовь. И только после нескольких меся-

цев необъяснимого чувства я вдруг поняла, осознала в одно мгновение: так ведь это она и есть, любовь. И в девятом, когда я поняла тоже в одно мгновение, что все кончено, все прошло и не вернется. Так же, как обрывается жизнь: утром человек жил, смеялся, говорил, а вот сейчас его нет и не будет никогда-никогда.

Может быть вполне, что и стихи и желание писать рассказы — это нервы, нервы и все. Кстати, у Александра Куприна все герои-мужчины с повышенной возбудимостью нервной системы.

Сейчас все говорят о Кубе, а я о чем-то личном. Но о Кубе я говорить не могу, о ней мы сказали все, выйдя на митинг с плакатами «Руки прочь от Кубы!», «Мы с тобой, Куба!» А еще мы все решили вступить в «Красный крест» и послать деньги Кубе.

Обычно ссылаются на слабую волю. Но мне кажется, любой человек может заставить себя сделать все, хотя я-то как раз и не делаю этого. Нужно еще увидеть настоящую жизнь, а ведь она не придет сама, эта настоящая жизнь, о которой я хочу еще написать. Ее нужно создавать, и создавать не словами и не строками в дневнике. Нет, не только этим, а делом, делом — вот главное. А дела-то нет. Нет его.

3 мая

Последний раз я писала 18 апреля, а с 21 по 23 апреля были тяжелые, очень тяжелые дни.

В среду Гена Иванов ходил с нами на митинг солидарности с кубинским народом, в четверг был на практике, смеялся и шутил, а в пятницу, словно гром среди ясного неба, известие: «Генка Иванов умер». Умер, что значит умер, как так умер!? Никто не верил. Я еще и сейчас хорошо не осознала, что это значит. Знаю, что произошло страшное, непоправимое, умер кто-то на шестнадцатом году жизни, и гово-

рят, что Генка Иванов. И самое ужасное то, что мы смеемся, поем, ссоримся, дружим, а он не слышит ничего-ничего, для него все кончено, конечно навсегда.

Там, на Цинковом, лежит сейчас то, что осталось от человека, хорошего, настоящего человека, который не жалел себя, сделал многое для других. Холмик земли с одиннадцатью венками — вот что осталось от комсомольца Гены Иванова.

Эта смерть меня потрясла, сильно потрясла, впервые я столкнулась с этим неизбежным для каждого жизненным явлением. Об этом больше говорить не буду.

А ведь жизнь-то идет // по земле весенней шагая... — так я написала в своих стихах, посвященных Гене.

После этого в воскресенье, 30 апреля, я уже писала другие стихи. Да, ругалась с мамой и писала стихи, стихи о любви. Интересно то, что о первой своей любви. Хорошее занятие, не правда ли?

Я вовсе не хотела о ней писать, но они меня никогда не слушают — эти стихи, поэтому мне пришлось писать:

Я давно уж решила, что все прошло,
улетело с зимою, с ветрами.
Я решила, что снегом все замело,
а оно вдруг проснулось с ручьями...

Еще об одном. Почему-то, когда солнце начинает садиться и озаряет все печальным оранжевым, пожалуй, даже тусклым светом, становится как-то грустно, но не печально, а хорошо грустно и хочется, просто неудержимо хочется уйти поскорее отсюда далеко-далеко. И вспомнишь другой закат, когда солнце вот таким же печальным светом озаряет степь с выгоревшей травой, и она становится какой-то необъяснимо прекрасной. И ты подолгу стоишь и смотришь на нее, стараешься как можно лучше запомнить этот цвет степи, темнеющий

бор и воздух, пахнувший гарью, и тишину, удивительную тишину. Как будто все замерло перед чем-то значительным, что произойдет неизбежно через несколько мгновений.

Но вот солнце последний раз печально взглянуло на землю и медленно, как бы нехотя, скрылось за бором. И сразу звезды выступили на черном небе. Бор потемнел, превратился в черную угрюмую стену. И степь поблекла, стала обычной холодной травой.

Зашумел бор, и застрекотал движок в МТМ (машинно-тракторные мастерские). Наступила ночь, теплая летняя ночь. Сейчас прекрасно только небо со спокойными звездами да воздух, который стал только влажнее, чем днем, но остался таким же чистым. Все остальное погрузилось в сон, в таинственную темноту и тишину.

Только комары, надоедливые насекомые, распевают над ухом свою нудную песню. Их не видно, они тоже погрузились в темноту, но тишине они не подчиняются совсем, звенят над ухом до тех пор, пока, не выдержав, не уйдешь домой.

Рассвет в деревне в ясный день я почти не видела, это плохо. Самое лучшее — это, конечно, утро, восход солнца.

Вообще-то, я все там люблю. Помню каждую сосну возле бора.

А березы... Березы, милые березы, которые намного выше сосен, могучие березы! Я увидела их впервые в селе Шаламово в прошлом году и тоже полюбила. А вербы над маленькой речкой Боровлянкой, дуб старый, развесистый и один стоящий посреди луга. Да, я там люблю все! И село Кирово вполне могу считать своей родиной.

5 мая

Перечитала свои записи. Давно не говорила о топольке. Он растет хорошо, но почему-то набухли только две почки, в прошлом году было больше.

6 мая

В жизни все можно сделать смешным: и любовь, и смерть и даже саму жизнь.

Пройдет время, много лет. Я перечитаю эти записи и засмеюсь или заплачу над собой.

Сейчас ровно час ночи. Интересно, что сейчас делает Андрей М.?

7 мая

Была Нинка. Говорила много о себе. Жизнь очень сложна или очень проста, одно из двух. В первом я убеждаюсь все чаще. Нина взяла заветную записную книжку. Что-то будет? Кажется, стихов больше не будет.

Нина сказала, что я хоть внешне-то спокойна. Это не совсем так. Сегодня я была спокойна, да и сейчас тоже, а чаще бываю совсем неспокойна, по крайней мере, дома.

9 мая

Мой дорогой, здравствуй!

Сегодня был плохой день. Ты знаешь, что заветная записная книжка моя была у Нины К. Вчера, в понедельник, я никак не могла вытерпеть и пошла к ней, попросила охарактеризовать стихи. Она говорила, какие из стихов ей понравились, а какие нет. Но больше всего ей хотелось узнать, о ком они, кому посвящаются. Я сказала, что сказать этого не могу.

Потом Нина сказала, что переделает одно мое стихотворение и покажет знающему человеку. Я почему-то согласилась. Но потом весь день думала, что переделывать стихи совсем не надо и показывать тоже. Ругала себя за то, что не обдумала это сразу.

Потом все время думала только об этом. Решила, что по-этом никогда не стану, впрочем, я это даже не решала. Так

считала всегда. И потом, поэты пишут о чем-то значительном, о событиях исторических. А я о чем-то личном.

Вот Нина прочитала стихи, ей понравились только те, смысл которых ей знаком и понятен.

Например, стихотворение, посвященное Гене Иванову, понравилось ей больше всего. Да, я его тоже считаю лучшим. А вот о тополечке ей не понравилось. «Рифма слаба», — сказала она. А тополечек-то этот мне ох как дорог.

А вот стихотворение, которое начинается словами: Подумаешь, пусть я буду поэтом, // буду назло им всем...

Если это стихотворение прочтет человек несведущий, он скажет: «Вот, кому-то назло хочет стать поэтом, хочет кому-то что-то доказать». А я писала его вовсе не со злости и не из жажды мщения, просто от избытка жизни.

Так вот же, разве я поэт? Нет, нет и нет, тысячу раз не поэт.

Еще один довод. Не я управляю стихами, а они мной. Я вовсе не хотела писать в последнем о прошлой любви, а они сами лезли в голову. Так разве же я поэт?

Сегодня вечером я снова была у Нины К. Я ей сказала, что возьму записную книжку. Она сказала: «Пожалуйста, я тебе отдам все, только отвяжись от меня...»

Потом я еще раз попросила вернуть записную книжку. Она сказала, что возвратит ее завтра. Но я сказала, что возьму сейчас же, так будет лучше.

«Я хочу кое-что выписать из нее для себя», — сказала она. Я ответила, что знаю все содержимое книжки наизусть. Она ответила с ехидством: «Не твои это, хочу выписать словицы». — «Я их тоже знаю», — сказала я.

Потом она швырнула мне книжку, взяла ведра и пошла за водой. Тут же, на улице, я вырвала из книжки листы со стихами и порвала. Было больно отчего-то и хотелось плакать. Словно оторвалось от сердца дорогое и улетело, как

осенний листок, опавший с дерева и подхваченный ветром. А Нина улыбнулась и даже повеселела.

Мы дошли до колонки, на значительном расстоянии друг от друга. Я знала, чего ждала от меня Нина К. Я знала, что ей нельзя поднимать тяжести, и что я должна была отнести воду ей домой. Но не сделала этого и снова осталась виноватой.

Настроение было ужасное, мучила совесть, да и стихи тоже давали о себе знать. Ведь все же это было самое дорогое. Пожалуй, это мое сердце.

Пришла домой, настроение ужасное. Потом пришла Тая К., и я рассказала ей обо всем. Было все равно.

Она спросила, где сейчас стихи. Я принесла кусочки бумаги — все, что осталось от моих песен. Тая обещала их собрать и прочитать. Я согласилась с радостью. На прощание Тая сказала, чтобы я писала стихи.

А может быть, их и не будет больше... А как думаете вы, стихи?

Пусть стихи улетают
далеко-далеко,
ведь любовь не поймаешь,
все, что было, прошло...

Но они не уходят,
не хотят улетать,
все, что было, проходит,
но вернется опять.

А раз снова вернется,
значит, будут стихи,
и писать их придется
от весны до весны...

Да, вы сказали сами за себя, стихи. Что ж, может быть, и будете вы спутниками моей жизни.

14 мая

Вчера думала и сегодня...

Я замечаю за собой все чаще и чаще, что, когда что-нибудь меня возмущает или удивляет, я внешне остаюсь хладнокровной.

А сегодня я говорила с Андреем. Конечно, в уме, на самом деле я не смогла бы сказать ему ничего этого, а про себя могу разговаривать с любым человеком...

Я очень мало знаю жизнь...

Я спросила Андрея: «За что ты уважаешь меня?» Вот на этот вопрос я не могла ответить, потому что не могу найти ни одного примера, ни одного дела, за которое можно меня уважать.

Но главное не это, главное то, что нет ни дома и ни в школе человека, который бы спокойно выслушал меня. Да, теперь хотя бы только выслушал.

Вот Тае я отдаю свои стихи, мне их не жалко. Какая разница, где будут они. Но с ней я не могу говорить, потому что понимаю: смешными, и не только смешными, но и странно-нелепыми покажутся ей мои разговоры.

Стихи мои даже нельзя сравнить с чьими-нибудь. Прочитала сегодня в «Комсомольце» стихи. Вот пишут люди! И стыдно стало за свои, очень стыдно...

Все еще чего-то ищу. Пишу стихи, но пока все не то, не то. Бывает очень плохо, бывает просто плохо, бывает посредственно, но все не то, чего-то большего нужно. Все старое, кажется, просто копия с чьих-то стихов, но не свое.

17 мая

Да, жизнь, ты жестока. А в общем-то, все, о чем буду говорить сегодня, я предполагала, я ждала этого, а иногда то, что ждешь, сбывается.

Так вот, сегодня на уроке литературы открытие: я загадочный человек.

Нужно было рассказать содержание «Смерти чиновника» Чехова. Не могла собраться с мыслями. И вообще у меня ужасная нерешительность во всем.

Когда села на место, Нина К. говорит: «Я знаю, почему ты не рассказала о смерти Ивана Ильича. Потому что он чихнул на лысину генерала».

Открытие! Я сказала, что не думала, что она может такое про меня подумать. А впрочем, знала, только не хотела в этом себе признаться. Потом К. сказала: «Ты гений, а вокруг тебя серость. А все думают: что она из себя строит?»

Не помню, что я потом ей говорила. Она сказала: «Вот в этом-то вся твоя загадочность». — Я сказала: «Вот это и есть та правда, которую я не люблю?» — «Нет», — ответила она. Я плакала прямо на литературе.

Я забыла сказать тебе только об одном, дневничок. Когда она сказала, что все говорят, что я из себя строю что-то, она добавила (если бы ты слышал, каким голосом): «Правда, никто не знает, что ты поэт».

Я еще спросила: «Так думают все?» Она не ответила...

«Лунная соната» Бетховена по радио... Сейчас бы услышать Первый концерт Чайковского — поверил бы в жизнь, в то, что она не так уж плоха эта жизнь, у которой и горе, и счастье — все большое, значительное.

18 мая

Надо взять стихи у Таи. Пусть лежат, как воспоминания об отрочестве, как дневники.

21 мая

Полночь. Услышала хорошую песню и захотелось писать. Вчера, в пятницу, и все дни с самой среды была замечательная погода. Правда, жары немножко больше, чем надо, ну да ведь лето же наступает. В пятницу как-то все сразу распустилось, зазеленело. И березка и тополек тоже.

Березка (у соседей) стала как будто выше, стройнее. Я смотрю на нее, а она стоит, улыбается мне и солнцу, и бирюзовому небу. Ветерок шумит ее листочками, и березке весело. Я смотрю на нее, и мне кажется, что стоит ей еще немного потянуться, и она достанет небо. И я тоже радуюсь этому и тому, что весна, и еще тому, что небо такое ужасно прекрасное, просто невозможное, и тому, что жизнь не так уж плоха.

Я смотрю и смотрю на березку, на небо и хочется оставить это мгновение навсегда в памяти, но в памяти все сглаживается. Можно только написать картину или музыку. И когда жизнь покажется особенно жестокой, увидеть это небо и березку и понять (так же, как и после Первого концерта Чайковского, после финской песенки «Рула-те, рула-те», после настоящих стихов), что жизнь-то прекрасна, и самое прекрасное в ней то, что ты живешь и видишь эту березку и это небо! Но увы, я не композитор и не художник.

А сегодня холодно и ветер. Этот ветер и холод всегда действуют на меня хорошо. И хотя небо не ослепительно голубое, а серо-голубое, но ветер и холод такие леденящие, что придают бодрость.

Вчера ходили на экскурсию на тракторный завод, там выставка химических реактивов и изотопов.

Самое интересное на выставке — брошюрки, которые нам разрешили взять, книга жалоб, в которую мой сосед записал наши впечатления, и музыка, доносившаяся из соседней комнаты. Самое неинтересное и неприятное — это жара и рас-

стояние три тысячи метров от моего дома до завода, которое мы отмахали на своих двоих под неотступным «конвоём» солнца, гнавшего нас вперед.

Но небо все-таки вняло нашим мольбам и спустило на землю дождь с музыкальным сопровождением — громом. Я в это время была уже дома, но, несмотря на это, с превеликим удовольствием и даже блаженством стояла под довольно-таки холодным дождем с ветром и потом с меньшим удовольствием грелась на солнышке, которое казалось теперь самым добрым и ласковым.

Время ровно час ночи. До свиданья, дневничок, спокойной ночи.

26 мая

Скоро, дневничок, мы с тобой прощаемся на двадцать четыре дня с нашим родным городом. Едем в колхоз. Первый раз в жизни.

27 мая

Сегодня получила «четыре» по дарвинизму. Надо радоваться, а у меня настроение испортилось, ведь получила-то я совсем незаслуженно. Другие получили тройки, а я «четыре». Но ведь я-то не виновата...

Сегодня было жарко, мы бродили по городу с Надей Богомоловой... Хочу хорошей музыки, чтобы можно было писать по-настоящему, а то что-то сегодня у меня ничего не получается; все старо, сухо, неубедительно, без души.

4 июня

Сирень отцветает. Сегодня плохая погода: хмурое небо, дождь и свирепый ветер. Стихов нет давно.

Всю неделю готовилась к колхозу. Сегодня хотела написать о многом, да вот снова что-то не клеится.

Наступает пора прощанья. Я мысленно говорю до свиданья березке, клену, дому, всему нашему городу...

Я ходила по двору, было жарко, и ничего не хотелось делать. Я срывала травинки, жевала их и бросала, но вдруг нечаянно вырвала целый куст травы с корнем и... поспешно всунула его в то место, где он рос. Авось отрастет, а не отрастет, не надо. И тут я подумала, что жизнь человеческую можно вот так же вырвать с корнем «нечаянно», а потом всунуть поспешно... А трава-то та завяла, не отросла, я повредила корни...

Я разжигала печь. Потухла спичка одна, вторая. Я обратила внимание на то, что гаснут они по-разному. Одна почернеет, скрючится, извивается, как бы цепляется за жизнь пока еще теплится огонек, а потом сразу разломается, испепелится. Другая стоит прямо до тех пор, пока не сгорит совсем.

11 июня

Добрый вечер, дневничок.

Смеркается. Я сижу на берегу реки. Все затихает вокруг, и только неугомонные комары продолжают свою неумолкающую песню.

Сначала в голове рождались как будто стихи, хотелось писать, но вместе с тишиной в природе наступает тишина и в моей душе.

Впрочем, это неверно. Тишина царит не в природе, а только в воздухе. На другом берегу, в лесу, начинают свой концерт птицы. А в небе полное спокойствие. Я, кажется, достигла того, о чем мечтала много месяцев.

Писать тут просто не о чем, тут нужно только смотреть и смотреть, не отрываясь. Если б я была художником, композитором или же просто поэтом!

О чем тут можно говорить? Тишина, река, вербы в воде, небо. Я даже не знаю, какого цвета это небо. Впрочем, даже

два неба. Одно — широкое и неподвижное — над головой, другое — чуть-чуть колеблющееся — в воде. Березы на том берегу тоже неподвижные. Ну а еще о чем говорить?

Ах ты, поэт, поэт, где же теперь-то твои стихи? Почему же не можешь ты сейчас связать двух слов?

Вот она вся перед тобой — эта тишина. Ты могла писать там, дома, и о тишине, и о шуме леса. Писать, не видя этого, а только мысленно воображая...

Комары дают о себе знать, звенят над ухом, впиваются в руки и ноги. Я смотрю, как зачарованная, конечно, не на комаров, и сижу, сижу... Небо темнеет постепенно.

Может быть дома я все же напишу об этой тишине, а сейчас буду смотреть и смотреть. Красиво? Разве можно сказать, что это красиво? Чудесно? Тоже не то...

Ветерок подул, я все смотрю, смотрю и хочу запомнить эту тишину навсегда, как запомнила необъяснимый цвет выгоревшей степи, как шум бора, как улыбающуюся березку...

Поют соловьи, комары съедают меня живьем, самолет летит, нарушая тишину неба. На западе появились тучи, может быть, будет дождь. А завтра снова свекла, обветренные руки и ноги.

Я как-нибудь напишу тебе об этом подробнее, дневничок, а сейчас поют соловьи... Стихов-то так и не получилось.

16 июня

Звучит баркарола Петра Ильича. Я сижу на полу, слушаю, пишу и плачу одновременно.

Вечер, но соловьев, тишины и даже комаров нет. Я дома. Да, дома, в Челябинске. Глупо, ужасно глупо получилось. Прошла лишь неделя, а я уже дома, сижу снова одна, и самое интересное и ужасное, что не могу встать и выйти даже на улицу.

Нога опухла и стала как бревно. Сижу и жду врача.

Как не хотелось ехать домой! Все работают, а я лежу, как больная, ведь девочкам дают такие огромные нормы! Сколько хлопот я доставила всем со своей ногой! Они так заботливо кормили нас (четверых больных) вчера и сегодня, старались не шуметь. Милые мои, заботливые, хорошие девочки! Спасибо вам за все, за все! Я никогда не забуду вас. Спасибо тебе, Кайгородово, ты научило меня многому.

24 июля

Здравствуй, дневничок. Прошло много, очень много времени. Почти полтора месяца. А я не делилась ни с чем с тобой.

Нет, писать я хотела, даже очень, но вот как-то не было желания взяться за карандаш, а, может быть, обстановки для этого не было подходящей. Ты ведь знаешь, что я пишу, когда остаюсь совсем одна. И ты, конечно, знаешь, что я всегда пишу карандашом, а сегодня, видишь, ручкой. Ну это уж совсем глупо и нелепо: у меня нет желания сходить в магазин за карандашом. А ручку мне догадалась купить мама...

Ты можешь, конечно, подумать, что в этот большой промежуток времени я была в лесу или занималась чем-нибудь серьезным и не могла выкроить время для разговора с тобой. Нет. Время было, время золотое: каникулы и лето. Я не была в деревне и стихи почти не писала. Ты спросишь, что я делала. Ничего. И даже желания такого не было.

Правда, недели две с половиной я читала днем и ночью. И это, пожалуй, самое лучшее. Ни в одно лето я не читала так много. Обычно читала зимой, когда было много уроков, а летом занималась чем-нибудь другим. Сейчас я глотала книги и доходила даже до того, что начинала мыслить, как герои этих книг, а во сне говорила с героями и была сама ими.

25 июля

Вчера писать больше не удалось. Ведь я же работаю в лаборатории.

1 августа

Жаль месяца июля, прошедшего в труде, который не приносит никакой пользы, больше того, он портит зрение. Если бы не книги! Стала бы я корпеть над бумагами (работая регистратором), переносить нудные поучения в адрес своего ужасного почерка. Во всяком случае, я бы не пропала от скуки, не будь этой работы. Я бы читала, ходила к Клавдии Николаевне, вернее, лазила бы через забор к ней, а она-то уж нашла бы мне работу. Или просто писала бы стихи.

Кстати, о стихах. Помнишь, я начинала писать про детство? Эти стихи я потеряла! Придется искать в памяти...

12 августа

Писать хотелось, а вот села и не знаю, с чего начать.

Почти с каждой песней у меня связано какое-то воспоминание. Услышала сегодня песню из кинофильма «Дело было в Пенькове» и вспомнила, что ее пел несколько раз Валера. А ведь я, наверно, больше не увижу его. Он хотел уходить из школы и ушел, может быть. А я вот все еще вспоминаю его иногда. Вспомнилось все вчера, и я снова писала стихи, стихи о нем.

«В каждом человеке есть особенности, достойные восхищения и преклонения. Любить — значит, видеть эти черты, отдавая им предпочтение перед остальными...»

«Любовь рождается невозможностью понять все сразу. Любовь — это процесс понимания. Чем больше, сложнее, глубже предмет, чем труднее его понять, тем продолжительнее любовь».

Василий Кубанёв.

29 августа

Отточила карандаш по привычке, хотела рисовать. Вдруг вспомнила про дневник. Стала искать. Нет нигде. Думала, что в тумбочке, где книги. Там тоже нет. Нигде нет дневника, пятой тетради. Остальные на месте. А писать захотелось. Взяла вот эту тетрадь. Написала: «тетрадь номер шесть». Пишу, и постепенно возникают в памяти события прошедшей недели. Вернее, не события, а люди. Крупных событий не было. Были люди разных возрастов и, конечно же, жизней, судеб.

Начну с понедельника.

21 августа. Игоря, Игорешку, Игорька, моего соседа, шустро, веселого и ловкого девятилетнего мальчишку, недавнего друга Сергея М., а значит, и моего, сбил автобус. Умер мгновенно.

22 августа. Еду в Кирово. Нужно сказать, без особой радости. В половине пятого мы на станции. Потом 35 километров на автобусе. Шофер наш — молодой парень. Впереди идет еще один кировский автобус на значительном расстоянии от нас.

Наш шофер прибавляет скорость. Еще, еще — и вот, неожиданно для первого автобуса, мы обходим его, победно про-сигналив. Но первый автобус не хочет быть побежденным. Он неумолимо приближается к нам. Наш шофер набавляет скорость.

«Еще, еще!» — кричат два копейских мальчишки, лет десяти-одиннадцати, одного из которых зовут Шурик.

Но, видно, пассажиры первого автобуса активнее помо-гали своему шоферу, потому что через минуту автобус пром-чался мимо нас, оставив за собой тучу дорожного песка. Продолжать гонки было бесполезно, мешала пыль. Увели-чивать скорость, значит, налететь на встречный грузовик. Я стала смотреть в окно. Березы, березы, кое-где уже по-желтевшие.

Появились сосны, значит, скоро Кирово. Вот мост через реку. Миасс все такой же узкий и, наверное, неглубокий. В Кирово почти ничего не изменилось.

Отвлекусь немного.

Вот сидишь иногда, и вдруг станет грустно, бесконечно грустно на мгновенье. И подумаешь: отчего?

Иногда просто так, ни от чего. Иногда оттого, что вот уже шестнадцать с половиной лет прошло, а ничего не сделала за это время для людей хорошего. И людей видела очень мало и плохих, и хороших. Хороших, пожалуй, даже совсем мало.

Сначала кажется, что хороший, душевный человек, а уз-наешь его побольше, и больно станет. Окажется, что делает он все только из собственной выгоды. Но люди по-настоя-щему хорошие, настоящие люди, есть, конечно, есть.

И еще иногда станет грустно оттого, что шестнадцать с половиной лет прошли почти даром, а вот, может быть, в остальные годы не успею я сделать того, что хочу.

И вот еще вспомнила, что как-то К. сказала, что главное в жизни — это материальная обеспеченность семьи. Она не отрицала согласия между людьми, но все же первое считала главным.

Конечно, человек чувствует себя лучше и свободней, ког-да он, например, хорошо одет, но все же главное, по-моему, не это. Нет, все-таки главное в семье — это дружба, взаим-ное уважение.

3 сентября

Добрый день, дневничок.

Учебный год начался. Начинаю я его очень плохо, с пер-вой двойки по литературе. Правда, ее еще нет, этой двойки, но она будет. А знаешь за что?

Да за то, что я не напишу заметку в мнимую газету. Дело в том, что я не знаю, о чем писать. О том, что учебный год

уже начался, что это последний наш школьный год, десятый, что нужно приложить все силы, чтобы закончить его успешно? Или о том, что перед нами стоит задача построения коммунизма, а для этого нужно учиться как можно лучше? Или одобрить мероприятия советского правительства об укреплении военной мощи нашей Родины?

Но обо всем этом слишком много было сказано и написано. Об этом все знают и всё понимают. И если я напишу об этом, то лишь чужими словами, словами газет и радио. Не знаю, что же из этого выбрать: или списать заметку из газеты или получить «два».

Если я напишу заметку о том, что нужно в десятом классе учиться изо всех сил, то этим я обязую себя учиться хорошо. А я не считаю учебу главным. Я даже очень не хочу учиться, хотя знаю, что это необходимо.

Я много читала, очень много. Самой великой радостью для меня с самого раннего детства, с того времени, как я начала ориентироваться в окружающей меня жизни, насколько помню я себя, была книга.

Стала читать, и появились «мои» люди на бумаге, откуда и возникли первые мои рассказы.

Проснувшись, я сначала вспоминала, что же у меня хорошего будет сегодня. И если есть непрочитанная книга, то это была настоящая радость.

Когда книга кончалась, было очень жаль, и я садилась за стол и бралась за карандаш. И герои книги оживали.

Я знала тогда очень много пословиц, загадок, сказок, очень любила пересказывать прочитанное. Это у меня всегда получалось очень легко.

Ну вот что. Писать я могу бесконечно, а время бежит. Девять часов вечера, а уроки не готовы.

Я думаю сейчас, что же дала мне школа, чему я научилась почти за десять лет? Я немного узнала людей, имею

некоторое представление обо всех науках, изучаемых в средней школе. Не знаю, какой предмет мне больше всего нравится.

Литература, конечно. У нас было четыре учителя литературы с пятого по девятый класс и вот в десятом. Больше всего дала знаний, конечно, В.А. Барочкина, ее я и запомню навсегда.

Потом, биологию, пожалуй, я любила больше остальных предметов и знала ее всегда неплохо. Павла Петровна Пластина была очень строгой, пожалуй, иногда даже чересчур, но она могла быть и душевным человеком.

Еще запомнился мне в седьмом классе физик Матвей Исакович. Очень хорошо знал свой предмет. Физику я любила только в седьмом классе.

Историю я любила только в пятом классе, потому что она была тогда интересной.

География была просто очень легкой и знакомой.

Математика была иногда трудной, иногда не очень трудной, реже совсем легкой. Фаина Абрамовна Кельнер. Мне кажется, что я ее немного понимаю как человека.

Первая учительница Варвара Васильевна Марковская, конечно, дала нам много. А мы забыли ее. Иногда мне становится стыдно от этого. Когда окончу школу, постараюсь поздравлять ее с 8 Марта и 1 сентября.

4 сентября

Вернулась из школы и сразу стала писать.

Стихов не было давно. Может быть, это и лучше. Я, наверно, не могу быть поэтом, потому что пишу только о своем, личном, мелком в сравнении с теми событиями, которые происходят в мире.

Вообще-то я никогда не собиралась быть поэтом. Такой профессии не должно быть. Писать стихи — это еще не зна-

чит, что делать что-то полезное и нужное, этому нельзя отдать все силы.

Писать — это значит наблюдать, думать, трудиться физически, а не только головой. По-моему, поэт — это не профессия, это человеческая натура.

Я вот как-то читала прямо в когизе книжку «Над рекой Истермой». Не помню, кто ее написал. В ней совсем не было стихов или рифмованных рассказов, но это была поэзия; песня, льющаяся из души, из сердца. Или вот вчера в «Комсомольце» напечатаны рассказы Юрия Подкорытова из цикла «В стране голубых озер». Душевно, ярко и тоже просто, очень просто. Это поэзия, и люди эти — поэты.

Я завидую людям решительным, свободным, как птицы. Завидую тем, кто может отбросить все, сесть в поезд и ехать куда-то, может быть, даже без рубля в кармане. Я знаю, что не смогу быть такой. Если бы я была такой, то не задумывалась бы над тем, что делать после окончания школы.

Вот я хотела стать библиотекарем. Мне и Нина К. говорила: «Ты любишь книги, что же тебе надо еще?» Неправда! Я люблю не книги, а людей, про которых они написаны!

Сказала это и сейчас подумала: люблю, значит, могу сделать для людей все, что смогу, значит, могу даже пожертвовать своей жизнью? Так ли это? Может быть и так. Умереть, но знать, что помнят тебя люди, что сделал ты для них, для жизни все, что смог, что совесть твоя чиста...

Когда видишь человека впервые, всегда смотришь на его лицо. Я люблю лица одухотворенные, светящиеся внутренним светом.

Вот идешь по улице, мимо проходят люди, и тебе захочется вдруг узнать, чем дышит этот человек, что сейчас на душе у того и отчего так светятся счастьем лица вон тех девушек и мальчишек?

Идут мимо люди с веселыми и печальными лицами, и каждый о чем-нибудь думает, у каждого есть цель в жизни, а, может быть, и нет, как у меня. С каждым что-то произошло сегодня, хорошее и плохое, у каждого свое представление о счастье, и каждый хочет достичь его, этого счастья, своей мечты. Идут люди, а ты не знаешь о них ничего и, может быть, не встретишь их больше. А вдруг через много лет придется работать с кем-нибудь из них или даже дружить.

Мечта и счастье. Это, по-моему, одно и то же. Каждый мечтает о счастье, стремится осуществить свою самую сокровенную мечту, а значит, хочет достичь счастья.

6 сентября

Во мне снова ощущение какой-то силы, и хочется сделать что-то большое. И, кажется, сделаешь все, что захочешь и уж, конечно же, хочется ехать куда-то (вместо того, чтобы учить уроки).

14 сентября

Музыка. Петр Ильич. Как она похожа на это небо, бледно-голубое, на березку мою знакомую, золотистую от того, что осень, и от того, что солнце золотистое и немного печальное.

Грустно, приятно грустно, нет, не приятно, а хорошо. И немного жаль чего-то, чего — не знаю. Просто так. Оттого, что осень и деревья желтые, а цветы увядают...

Была осень, совсем еще молодая, ранняя осень. Было темно, и шел дождь — мелкий и серый. Я шла по улице, над мной шумели тополя, большие и черные от темноты и блестящие от дождя.

Тополя шумели тихо и глухо, и, заглушая их шум, кричали воробьи, сидящие на проводах. А под ногами был асфальт и лужи, в которых отражались тополя и серое, еще не

совсем темное небо. Я шла по лужам, и дождь шел вместе со мной...

А это было две недели назад... в конце августа. Степь была уже обыкновенной серой травой и не светилась необъяснимым светом, когда солнце посылало последние печальные лучи на землю и становилось сначала оранжевым, потом красным и растворялось в сереющем небе. Небо розовело, потом краснело, и цвет этот разливался по всему горизонту.

Солнце зашло, а свет от него остался до самой темноты. Но и после темноты оно посылало свет людям.

15 сентября

Сегодня открылся один важный для меня секрет.

Оказывается, что весь класс знает про стихи. Их читали в колхозе. Критиковали. И от этого радостно и грустно. Да я ведь и не собираюсь быть поэтом.

В душе снова поднимается что-то, хочется сделать что-нибудь большое, значительное. Хочется вырваться из дома и, любуясь золотой осенью, писать, писать. Но стихов нет, а они, именно они, сейчас нужны мне.

Было недавно стихотворение про Родину, но снова лирика, все то же, личное, а я не хочу так, не хочу быть певчей птицей. Я хочу писать жизнь, жизнь жестокою и красивую. Но не получается.

21 сентября

Осень нынче поистине золотая. Клены стоят желтые, оранжевые, почти розовые. И березка моя золотисто-желтая.

Я смотрю на нее и не вижу грусти в ее переливающимся одеянии. Это просто новый наряд березки. Я смотрю на нее, и в душе складывается песня.

27 сентября

Завтра по физике урок повторения, нужно повторить двадцать пять параграфов. Ты думаешь, что я сижу и зубрю формулы в поте лица? Ничуть.

Я достала томик Сергея Есенина, даже два, и вот читаю, вернее, выбираю только то, что хватает за душу.

Все говорят: Есенин, Есенин. Восторгаются. Я решила познакомиться с его поэзией. Но, конечно, стихов Есенина не было: ни в книжных магазинах, ни в библиотеках. Просматривая библиотеку своих знакомых, я натолкнулась на два томика стихов поэта, которые и отвлекли меня сегодня от физики.

Перечитываю Есенина я второй раз. В прошлом году Есенин очень разочаровал меня, я ждала большего. Только широченные стихи о Родине взволновали меня.

Сегодняшнее впечатление лучше прошлогоднего, эффект сильнее. Нравится, но не все. Так же, как и в прошлом году, не нравится любовь.

Но вот прочитала про степь, про Родину, про 26 бакинских комиссаров, и ширь разлилась в душе. Не умиление, а любовь ко всему широкому, к своей Родине. И захотелось влюбиться в кого-нибудь снова и писать стихи. Но любви нет. А то выйти бы на улицу, посмотреть на звездное небо и читать стихи.

Поразила меня в поэзии Есенина неутомимая красочность языка. Красота да и только! Бесконечность широких, удивительно хороших, душевных и правильных слов! Здорово!

Колхоз никогда не забудется никем из нас. Вот и я вдруг вспомнила, как мы ездили на поле босиком, все с засученными до колен шароварами. Как возвращались со свеклы с серыми лицами (от пыли) и с черными руками (от загара). Как в первый день пребывания в Кайгородово ходили ловить лягушек в болоте, слушали кукушку, и я четыре раза

ходила за незабудками. А потом однажды вечером сидела одна на берегу Миасса и смотрела, смотрела...

Вот сейчас я очень отчетливо помню тот вечер с соловьями, с утками и, конечно же, с комарами, один из которых случайно остался в дневнике.

Я помню вербы и сереющее небо. И серую воду. И серых уток. И серые сумерки. Все серое. А вот воздух был темный, сырой и резкий. А мысли были легкие и светлые.

Если я буду думать о соснах, то вспомню только Кировские. Если о вербах, то кайгородовские, если о кленах, то Челябинские.

О березах буду думать, вспомню шаламовские (по Шаламовской дороге в село Шаламово). У меня еще очень мало слов, чтобы рассказать обо всем этом подробно, так, как я это ощущаю.

Березы, березы шаламовские. Это вы дали мне представление о том, как жила здесь тридцать лет назад Настенька с волнистыми, мягкими, как осенний лен, волосами и синими глазами, как тот лен, что цветет по весне морем нобьятным, как васильки, что вышивала мать на вороте рубашки брата Ванюшки, как то небо, глядя в которое так часто думала Настенька: «Что же там? Отчего облака плывут? Отчего бывает гроза? Почему небо темнеет?»

Настя, которая ходила в этот лес по грибы и по землянику, ездила в поле и, возвращаясь однажды с речки, думала: «Вот если бы пришла я сейчас домой, сказала два волшебных слова, открыла шкаф и взяла оттуда живой воды, и выздоровел бы тятя».

Но не было живой воды, и умер отец, а вслед за ним и мать. Вот это вспомнила я, когда смотрела на шаламовские березы. Вспомнила дом, в котором жила Настенька, столетние тополя, что стояли прямо за домом, сирень в палисаднике.

А сейчас нет ни дома, ни тополей. Все выкорчевано, перепажано. И стоит на этом месте коричневая пшеница, рыжая, как июньский закат солнца.

3 октября

Вчера были на стане 2300. Ехали для того, чтобы ускорить пуск стана, завершить основные строительные работы к 16 октября.

Сделали мало, очень мало. Переложили доски из одной кучи в другую. И все. Нисколько не устали. На большом заводе я второй раз. Территория стана огромная, а за ним степь на много километров.

Самой интересной была дорога на стан. Ехали в специальном заказном трамвае. Наши, как всегда, пели. Пели все песни, которые пели в колхозе, и частушки, сочиненные там же, в колхозе.

Мне было хорошо, потому что было много людей, вспоминался колхоз. Ехали ровно час без остановок.

Возвращались поздно вечером, в восьмом часу. Было темно, закат уже догорел, на стане зажглись огни, а в небе звезды.

Простор чувствовался еще больше. Это была степь, которую я люблю, которая через немного дней станет жизнью, частью того великого дела, которое делают сейчас все наши люди.

В трамвае было много народу, люди ехали с работы. Я смотрела на них и думала: вот они, эти люди, люди, которые плавят металл, плавят жизнь, новую и большую. Люди, про которых так много пишут в газетах, говорят по радио. Я знаю о них много и в то же время ничего...

За окном горели огни, огни большого города, о котором я так мало знаю и который так горячо люблю.

Мы ехали по самому большому и значительному в городе району — Металлургическому. Там живут, наверно, очень хорошие люди, люди настоящего и будущего.

Мне было немного плохо оттого, что так мало знаю свой город и его людей, и в то же время, светло на душе, радостно оттого, что вот он, этот город, в котором ты живешь, и сколько в нем хорошего и плохого, сколько настоящих людей. И все это тебе предстоит узнать, увидеть, сделать и переделать. Ведь ты живешь на земле, и тебе всего шестнадцать лет!

А, может быть, это просто «души прекрасные порывы»? Может, это просто все на бумаге?

Когда чувствуешь величину Земли, начинаешь понимать ничтожность одного человека в круговороте жизни.

Я люблю людей, верю в то, что в каждом человеке заложено что-то большое и хорошее, что у каждого человека силы необъятные. Нужно только суметь открыть их и направить в нужное русло. Ведь если человек может сделать плохое, значит у него хватит силы на такое же хорошее. А если и плохого мало, то значит и хорошего совсем немного. Я так считаю.

5 октября

Добрый вечер, дружок.

Сегодня скверная погода. И настроение такое же.

Земля еще не застыла, многие деревья даже не пожелтели, идет снег. Он падает на цветы, на землю, и все замерзает. Я не люблю такую погоду. И, вообще, не люблю, когда выпадает первый снег, закрывает землю.

Говорят, что снег очищает землю, делает ее белой и нежной. А по-моему, это фальшь, маскировка какая-то. И вся эта зимняя красота: хрустальная природа и мертвый лунный свет — фальшь.

Неплохо, конечно, гулять зимой, когда снег хрустит под ногами и переливается, как жемчуг, а деревья стоят такие сказочные. Но луна освещает землю зеленым, холодным светом.

Хотя иногда бывает хорошо смотреть на застывшую природу. Красиво, конечно, я не отрицаю. Но не все красивое хорошо, красивое и холодное не трогает, не берет за сердце.

Но это все природа, а жизнь ведь не только в ней.

Мне снова не хватает друга, который любил бы меня как человека и иногда слушал меня, мои стихи, читал дневники. Который сказал бы мне хорошее слово, поддержал в трудную минуту, помог в горе, открыл бы мне свою душу. Я хочу узнать хоть одну человеческую душу.

7 октября

Я вовсе не любила его. Просто заинтересовалась человеком, который любит меня. Во-первых, я никогда не предполагала, что кто-то может любить меня. Во-вторых, ведь это очень интересно узнать: кто этот человек, которому ты нравишься. Если уж я ему нравлюсь, значит он человек особенный. Интересно, чем он живет? Ведь мы с ним учимся с первого класса, почти десять лет. А в первом и пятом классах даже сидели за одной партой. А что я знаю о нем? Ничего. Стыдно, конечно. Да и кого я знаю из нашего класса? Кву? Может быть, да и то не до конца.

Меня сейчас интересует еще один мальчишка из нашего класса — Вадим Т. Очень маленького роста, с лицом всегда серьезным, даже угрюмым. Когда его спрашивают у доски, все смеются. А что смешного? Чем он хуже их? Уж не тем ли, что у него густой бас и маленький рост? Глупости. И хмурится он именно потому, что такой маленький.

Вот что было в пятницу на автоделе. Весь урок мы шумели, кричали, смеялись. Учитель злился, ставил на ноги весь класс.

В этот день я принесла в класс томик Есенина. Тот самый, что оторвал меня от физики.

Перед автоделом я дала его Лене Э. Она читала на уроке стихи, а потом я попросила книгу обратно. Она передала ее

мне. Учитель увидел, и не успели мы с Нинкой спрятать стихи, желанный томик стихов Есенина исчез в кармане широченных брюк учителя. Это меня почему-то очень развеселило.

Потом Нину послали за директором, так как учитель заявил, что урок проводить невозможно. А мне передали записку, которую велели передавать дальше, предварительно прочитав.

Я развернула листочек бумаги. Это было признание в любви Вадиму Т., подписанное Т. Д. У меня внутри закипело что-то, я закричала на Галю Т., которая передала мне эту глупость. Она обиделась и заявила, что мне до этого нет дела, так как подписали не мою фамилию.

Это взорвало меня еще больше. Недолго думая, я порвала записку. И правильно сделала. Что за ребячество? Гадость какая! После этого осталось неприятное чувство. А потом я расстроилась из-за Есенина. Захотелось наговорить грубых слов учителю.

11 октября

Отшумели тополя, отсверкали золотом клены и сбросили на землю оранжево-желтое одеяние. Зазолотилась земля, переливаясь в игриво-печальных солнечных лучах.

А потом пошел снег, налетел северный ветер, свистя и рыча. Он сорвал и смял наряд земли и засмеялся довольный, бросая на землю слезы злости — колючий снег.

Листья, только что бывшие такими, что глаз отвести нельзя, поникли, съезжились, втопталась в грязь и поблекли.

Но сегодня снег стаял. И в воздухе повеяло весной. И кажется, что вот-вот распустятся почки на тополях.

Тополя отшумели, а воробьи по-прежнему щебечут, галдят, спорят с кем-то. А может быть, со мной?

Я говорю: «Плоха жизнь, нет мечты, устала жить, только небо копчу». А они, эти серенькие пичуги, врываются в сер-

дце своим гомоном вместе с шумом города и заставляют мыслить, мечтать и писать. Хорошо же жить и чувствовать себя человеком.

А вчера было страшное настроение. Пессимизм. Частенько приходит ко мне это ужасное настроение! И тогда ничего не нужно, ничего не хочешь. Жизнь сера и мрачна. В душе муть и пустота. И ты один, один на земле.

Для чего жить, если нет опоры и звездочки, к которой нужно стремиться. Пусть она еще в тумане, эта звездочка, но если она есть, есть и надежда на что-то, вера в свои силы.

У меня тоже есть эта звездочка, скорее, огонек, но он похож на лучинку. То загорится, то потухнет и все вспыхивает, вспыхивает в тумане и зовет. Но она слишком слаба, эта звездочка, чтобы притянуть меня всей душой.

12 октября

Вечер. О чем писать? Любви нет. Начало нынешней осени, пожалуй, первая осень, когда я не влюблена.

18 октября

Добрый вечер, дневничок!

Как она, жизнь? Вчера открылся съезд нашей партии, двадцать второй съезд. Это очень большое, волнующее событие. Ведь будет намечен план, программа нашей жизни, путь к коммунизму.

Сейчас слышала по радио выступление, челябинского архитектора. Он говорил о том, каким будет наш город через несколько лет.

Ух! Даже дух захватывает! Вот это будет город! А ведь это же будет скоро, очень скоро. Город, мой город-громада. Миллион жителей!

Мне кажется, что при коммунизме будет замечен каждый человек, и все люди будут знать друг друга. Пусть даже их

будет миллион в одном городе. И их будут называть не жителями, а людьми.

И всем будет дело до каждого. И, конечно, всем будет дело до цветов и деревьев. Вот сейчас: росли цветы на клумбах, но прошло лето, надвигаются холода, а цветы все еще цветут.

Потом пришли рабочие и вскопали землю вместе с цветами. А почему бы не собрать эти цветы и не продать их, даже по десять копеек? Люди бы купили, а на вырученные деньги можно было приобрести семена.

Сейчас, конечно, этого нет. Потому что почти у всех плохое воспитание.

Сегодня все время говорят о том, каким будет человек при коммунизме. У нас в школе намечается диспут на эту тему.

А мне кажется, что все это ерунда, и ни к чему устраивать эти диспуты. Все прекрасно знают, каким будет человек будущего.

В первую очередь идейным. Конечно, умным, всесторонне развитым, талантливым, скромным, честным. Но все равно ведь будут разные люди. И тихие, и неразговорчивые тоже. Но, конечно, у всех будет одно общее: никто не будет мириться с несправедливостью, не будет равнодушных и спокойных. Все будет заинтересованны все. Да тогда и не будет ничего скучного, потому что люди станут оптимистами.

24 октября

Добрый вечер, дружок!

Вчера читали в классе сочинения четырех десятиклассников на тему о нашем будущем. Все сочинения объединяло одно: они верят в наше прекрасное будущее. Они оптимисты, великие оптимисты и люди, просто люди. Они знают, что делать, чтобы это будущее стало как можно скорее настоящим.

27 октября

Сегодня Валера Л. не пришел в школу, он работает на заводе. Так ушла моя любовь — частичка песни.

12 ноября

Настроение дрянь. Меланхолия. Пишу стихи, когда особенно больно. Жила бы во времена босяков, исходила бы всю страну. Даже такой возможности нет! Скорей бы уж со школой разделаться.

12 декабря

Как всегда, добрый вечер, дневничок.

Вдруг писать захотелось. Волна какая-то подошла, и чувствую, что хочу писать.

Стихи? Стихи пишу каждый день.

Когда я иду в школу, уже светает — это очень хорошо! Как будто все задумалось, кругом тишина, даже дым от паровозов застыл и стал слишком хороший для того, чтобы захотелось написать о нем. Я, наверно, напишу потом.

Мне Тая вчера сказала (она читала мои стихи), что В.А. Барочкиной понравились мои стихи. Она сказала, что их только нужно доработать.

15 декабря

Guten Abend, liebe Freund.

Пишу стихи, даже не пишу, а плету, конечно. Ведь писать трудно, а я это делаю легко. Значит, плету.

Это единственный год, когда я не хочу, чтобы он прошел, потому что хочу подольше задержаться в стенах школы.

Все говорят, что я стала несерьезной. Все хихикаю. Почему-то всегда мне смешно. В душе клокочет гнев. Клокочет даже тогда, когда мне смешно от радости.

16 декабря

День добрый.

Суббота. Есть время. Переберу стихи. Отрывков накопилось очень много. Все руки не доходят.

22 декабря

Чувствую, что влюбилась. В кого? Не знаю. Сегодня бесовское настроение. В душе кипит. Хочется сделать что-то необычное. Но не в смысле героического. Просто, может быть, разорвать тетрадь или вскочить на уроке и закричать.

Теперь подавленное настроение. Вчера было романтическое. Завидовала романтикам. Сегодня дрянь настроение. Хочется к соснам, моим соснам. Они поймут меня. Да.

Диспут был. О человеке будущего. Кричали. С. успокаивал (ключами). Ничего нового не сказали, но почему-то решили, что отношения между юношами и девушками останутся такими же, как сейчас. Если это будет так, то коммунизм мало чем будет отличаться от сегодняшнего дня.

Если мальчишки плохого мнения о нас, значит, они совсем не уважают нас. А если мы действительно такие, то это еще хуже.

Но если это так, то какие же коммунисты будут из молодежи?! А если добавить еще, что вся физическая работа сваливается на девочек (даже судя по школьным субботникам), то не знаю даже, к какому прийти заключению.

Я не знаю жизни, но надеюсь, что все не так, как сказал С.

24 декабря

Все эти дни было настроение, будто влюблена в кого-то. А как выйду на улицу, вспоминается старое.

Увидела Валеру Л. и сразу затихла. Ну что тут скажешь? Сколько людей встречаю, похожих на него. И всегда думаю:

что-то здесь родное, знакомое, а потом вспомню, и отодвинется все куда-то, отдалится. И будет только он. Может быть, и я теперь люблю А. Ведь писала же стихи, и боль была. Ну а В. — это самое светлое и чистое. Это первая, детская любовь, веточка тополя и песня. Первая, неуклюжая, грустная песня.

Тополя. Они всегда мне будут напоминать ту боль и ту песню.

30 декабря

Как долго может сохраняться чувство. Я снова видела Валеру Л. Сейчас, конечно, не любовь. Это ее эхо.

А быть может, она промчалась,
только эхо ее осталось.

Эхо, ветка тополя, звенящий апрельский ручеек.

1962

8 января

Как всегда, добрый вечер, друг.

С новым, 1962-м, тебя! Желая счастья и жизни лет сто! Главное, желаю тебе всегда оставаться молодым. А сто, пожалуй, не протянуть нам с тобой. Ведь сколько я буду шагать по земле, столько и ты.

Не знаю, о чем писать. Просто не о чем. Это ужасно! Это значит, что не знаешь, как живешь!

Правда, читаю «Петра Первого» Алексея Толстого. Мне не советовали. И как много потеряла бы я, следуя этому совету!

9 января

Полвторого ночи. Спать еще не ложилась. Дочитала «Петра».

Перечитала эти записи. Ничего. Но настроение поднялось.

Вот про глаза еще хочу написать, да как-то не выходит. Сейчас попытаюсь.

Сколько людей — столько и глаз. Но не все глаза нам запоминаются надолго. На ином лице и не заметишь глаз. Однажды в кинотеатре «Знамя» мимо меня прошел парень лет восемнадцати-девятнадцати. Парень как парень, но когда он поднял глаза, я ужаснулась. Глаза мне показались страшными. Я взглянула и тут же отвела взгляд.

Помню, что глаза темные. Нет, они не обжигают и не пронзают. Они печальны. Печальные, все понимающие и в то же время обреченные. Я не могу описать какие, но просто не мужские. Если бы я увидела их у девушки, то, пожалуй бы, не так удивилась.

Да, страшные это были глаза. Обреченные. И мне показались, что человек этот похож на меня даже лицом. Показались, что эти глаза думают о том же, о чем и я, но не всегда, а только тогда, когда у меня подавленное настроение.

Я взглянула и как бы поняла этого человека. И ужаснулась. Больше я не видела этих глаз.

А еще я могу, по какой-то почти неуловимой черте, узнавать людей думающих. Мне кажется, что это какое-то сходство в носках. И глазах, конечно.

11 января

Снова школа, снова муки. Несу учебу на плечах, как бремя, как каторжный труд.

Сиюю сегодня на уроке и думаю: «О боже! Осталось всего пять месяцев! Надвигается буря, шквал. Я на краю обрыва. На расстоянии всего пяти месяцев образовалось облачко, клубок пыли. И все затихло, замерло. А облачко все приближается, приближается. Растет, растет клубок пыли, и вот

он уже обрушивается на меня со всей силой. Закружилось, завертелось. И, подхваченная вихрем, я лечу в пропасть. Меня просто сметает. Может быть, не в пропасть, но все же я падаю и ушибаюсь лбом о камни. Да...»

А сейчас звучит скрипка. Скрипка, скрипка, ты же волшебник, ты ключ души человеческой. Скажи, в чем оно, счастье?

Ты хитра: ты знаешь, что можешь очень легко завладеть душой и повести ее за собой. Не обижайся, скрипка, я верю, что ты всегда искренна. Ты поешь, и грустишь, и плачешь, как душа человека, который остался наедине с собой.

Ты знаешь, что люди плачут, когда слушают тебя. Ты заставляешь их делать это, потому что ты раскрываешь их души для них самих.

Люди всегда стыдятся самих себя. И плачут не от злости, иногда, может быть, от зависти, но все же часто от воспоминаний чего-то особенно хорошего или трогательного. Потому что такие уж души у людей.

И всегда, когда человек слушает скрипку, он думает о счастье. Да, о счастье. Может быть, о чем-то неуловимом, радостно-грустном, от чего душа рвется куда-то, к чему-то неясному, но хорошему, обнимающему душу любовью. А может быть, человек грустит так серьезно и печально о том, что уже прошло, что пронеслось, как солнечный день дождливой осенью, о том, что упало на мокрый блестящий асфальт апрельским звенящим вечером веточкой тополя. Или слушает с улыбкой, печальной или наоборот счастливой, от которой замрет и забьется чаще сердце. По-разному человек слушает скрипку, но так или иначе он думает о счастье. О будущем ли, о настоящем или прошедшем.

16 января

В воскресенье было весеннее небо. Я лежала на диване и видела кусочек этого неба. Можно было подумать, что вес-

на. Уголок крыши дома напротив был без снега, а верхушка клена и кусок бирюзового неба дополняли картину весны. Тополь мой подрост. У него две веточки. Наверно, это будут два ствола...

Вадим. Как же ты ушел из школы, Вадим? Мне сказали об этом сегодня. Мне нравилось, когда ты хмурился и кривил рот. Мне нравилось, как ты пел. Когда еще я увижу тебя?

Вадим Т. Что в нем было особенного? Он не был правильным, да, не был! Он любил стихи и сам писал их. Куда ты ушел, Вадим?

24 января

Добрый вечер.

Давно мы не говорили с тобой, дневничок. Сейчас бродили по городу с Надей Богомоловой. Я не знала, о чем говорить с ней... Я сказала Наде, что была влюблена три раза за три с половиной года. Она была страшно удивлена. А Тая сегодня сказала, что я не влюбчивая...

По-моему, каждая мысль — результат долгих раздумий, она как бы обобщает то, о чем ты думал долго и упорно, даже если мысль кажется тебе неожиданной. И в то же время каждая, осенившая тебя мысль — это открытие. Да, открытие. И не важно, открыл ли кто-нибудь эту мысль до тебя (наверняка, открыл). Главное то, что ты открыл ее для себя, и уж наверняка никогда не отступишь от своего открытия.

Сейчас я почти не пишу стихов. Но каждое или почти каждое стихотворение, положенное мною на бумагу, — это все, конечно, неслучайное, все это выношено, может быть, даже выстрадано за долгие месяцы.

Стихов почти не пишу. Если пишу, то не очень удовлетворяют.

3 февраля

Как всегда, вечер добрый.

Сегодня суббота. В школе вечер. Не пошла. Но хотелось страшно. Хороший человек Надька! Она пошла. Молодец! Стихов не пишу.

5 февраля

Привет, дружище.

Плачет, вытягивает душу скрипка.

А мы с тобой, дружище, остались в школе. Зачем? Еще спрашиваешь! Как будто можно ответить на это! Завтра нужно было идти в обком. Да я отказалась. Была бы курьером. И не жалею! Но мать огорчена.

А стихи не пишутся. Чувств никаких. Не представляю, что будет дальше.

Вчера и в пятницу была влюблена в Андрея. Когда в пятницу провозжала Нину К., была уверена, что на обратном пути встречу его. Так и было.

Не пишется почему-то. Помнишь, как раньше я описывала различные оттенки чувств... Сейчас огрубела.

15 февраля

Добрый вечер, дружище!

Плохо, дружище, что ты не умеешь говорить.

В этом месяце было два ярких Весенних дня. , когда солнце улыбается во всю ширь, когда снег серый-серый, жалкий и немножко грустный. Когда небо такое страшно глубокое и голубое, что глаза утопают в нем.

В такой день ты обязательно влюблен. Ты сам весенний, бесшабашный, смешной, безрассудный, безоблачный и еще какой-то необъяснимо счастливый. Поэтому и день кажется лучистым.

Было воскресенье. Часов в двенадцать я пошла в библиотеку. Сначала зашла к Наде. Ее дома не было. Возвращаясь из библиотеки, я снова зашла к Наде. Вернее, мы столкнулись с ней, когда я поднималась по лестнице.

«А я к тебе», — сказала Надя. — «Чудесно!» — сказала я. И мы вышли из подъезда, окунувшись в весенний шум воскресной улицы. День был необыкновенно хорош.

«Махнем куда-нибудь! — предложила я. — У меня пятьдесят копеек».

И мы пошли. Куда? Вряд ли это имеет какое-то значение. Мы пошли по проспекту в сторону Детского парка. Ни на минуту меня не покидала мысль, что обязательно нужно свернуть вправо.

Достигнув парка, мы повернули вправо и, обойдя оный, пошли вдоль парковой ограды. Как ты догадываешься, путь этот мы проделали не молча. Надя рассказывала про вечер.

Эх, не знала она, чего стоит мне напоминание о том, что Андрей был грустный.

Так вот, мы шли и разговаривали. Потом пошли по улице Васенко.

Все время мы пели: «Пришла весна в мои края...» И никто не обращал на нас внимания.

Шли, шли, Надя уже устала. И вдруг большое, красивое здание с вывеской «ЗАГС Центрального района», а рядом что-то милийское. От неожиданности мы сначала молчали, потом смеялись и смеялись до конца своего маршрута.

Проголодались. На каждом углу пирожки — пять копеек штука. Долго ходили около, но купить не решились.

Я все же утянула Надю вправо. Вернее, не я, а мои ноги. Говорю: «Поехали к К-ой или просто на Металлургический». Не соглашалась. Шли дальше. Пели, смеялись — было бесшабашное настроение. Надя уже выдыхалась, меня еще волюкли ноги. Я, вообще, мало устаю в ходьбе. Хотелось есть.

Когда шли мимо универмага, продавщицы снова кричали: «Пирожки! Горячие пирожки!»

«Пирожки, пирожки», — бормотали мы и шли дальше. Не будешь же пожирать их прямо на улице!

«Пойдем искать остановку трамвая!»

Дошли до Зеленого базара. «Наконец-то магазин!» — воскликнула я с облегчением. Взглянула на вывеску: «Скупочный. Прием товаров от населения». Смешно. Но этот магазин действительно когда-то был продовольственным.

У следующего, видимо закрытого на обед магазина толпились мужчины. «Ого! — сказала я. — Здесь что-то должно быть. Может быть, счетверим с кем-нибудь?» — «А достанется нам хоть по стакану?» — уныло спросила Надя. Этого я не знала.

И вдруг меня осенило. Точно так же, как этот день осенил все предыдущие: «Так ведь здесь базар!» — «Ну да», — последовал ответ. Следовательно, и пирожки по пять копеек штука должны быть. Мы поплелись.

В лотке у продавщицы было несколько холодных, каких-то бледных, совсем неаппетитных пирожков. Я встала в очередь. Но нам не хватило. С пустыми желудками мы пошли к остановке.

Очутившись на том же месте, откуда начали свое путешествие, мы решили, что если начали тратить деньги, нужно довести это дело до конца.

Мысль о пирожках не покидала нас, а напротив возрастала с каждой минутой. Однако мы приобрели мороженое за пятнадцать копеек, которое называлось шоколадным, но оказалось просто подкрашенным яичным порошком.

Очень огорчившись, мы решили сделать привал. Вошли во двор к Наде. Носы покраснели, руки не сгибались, однако мы мужественно поедали яичное мороженое.

Покончив с яичным, мы решили все же добиться своей цели: приобрести злосчастные пироги.

Долго ходили вокруг лотка с пирожками. Нет, нам сегодня определенно не везло! Снова не хватило. У нас оставалось четырнадцать копеек. Мы были голодны, как будто трудились очень долго.

Ну нет, погодите, пирожки! Мы от вас не отступимся. Пошли по улице Кирова. «Идем в „Знамя“, — предложила Надя. — За пирожками». Зашли в диетическую булочную.

Что-то слишком нудно получается. Знаешь, я dokonчу в следующий раз. Хорошо?

А сейчас о Владьке.

Так вот, началось все, пожалуй, с того...

Извини, придется прервать рассказ — слушаю по радио новые стихи Валентина Сорокина. Молодец! Черноморский цикл. Интересно, когда выйдет его второй сборник? Первый у меня есть. Во втором поэма «Рассказ о любви». Сильно! Боль, от которой качает.

А теперь о Владике.

Началось, пожалуй, так. Мы сидели за столом какого-то председателя в горсовете, писали. Нас было четверо: Андрей, Владик, Надя и я. С Андреем, как всегда, что-то творилось. А мне было просто смешно.

Владик как-то пристально, исподлобья посмотрел на меня. Я взглянула на него, потом в сторону. На Андрея я взглянула только один раз. И с этого времени меня не покидает чувство, что мы с Владиком что-то знаем, чего не знает почти никто. Как будто заговорщики какие-то.

А в тот день Наташа испортила мне настроение. Как раз после лекции в горсовете. Наташа, конечно, старалась нравиться. Теперь не знаю кому. Мне показалось, что она взглянула на него, он на нее, и они пошли. Стало пусто, захотелось стихов. Своих. Я предполагала, что Андрей пошел к Владiku. Я почему-то чувствую, когда встречу его.

А тогда сердце говорило, что когда мы с Надей подойдем к дому Владика, он выйдет на улицу. И я совсем не удивилась, что именно тогда, когда мы подошли к Владькиному дому, Андрей и Владик вышли из арки. И не одни. А с белой-пребелой собакой Владика. Они не заметили нас.

Наде нужно было на вокзал. Я тогда как раз собиралась уходить на работу. Была пятница, в понедельник я могла уже не прийти в школу.

«Ну что я буду делать, если ты уйдешь, Нинка?» — сказала в трамвае Надя.

Я была на вокзале. Романтики никакой. Наконец-то мы купили долгожданные пирожки. Они были горячие, из сырого теста и с кашей. Но я еще ничего не ела, кроме двух эскимо, которые уничтожила с ожесточением...

Уроков не учила. Плюю на все. Я люблю свое необъяснимое настроение, но его нет. Да и разве напишешь о нем...

Любовь — это тоже талант. Я не могу, чтобы сердце было пусто. Чтобы оно не сжималось, не пело, не рвалось, не колотилось. Ради чего же тогда жить, если на душе спокойно, тихо, тепло? Ведь тогда же не напишешь ни одного стиха, ни одной строчки не вырвется из души!

А если не любить? Помнишь, как было серо и противно, когда я не знала, кто из двух? Я должна обязательно думать о ком-то. Это необходимо. Пусть мучаться, плакать, но все равно будет хорошо! Потому что это жизнь.

20 февраля

Добрый день, дружиче!

Сегодня снова улыбнулось солнышко, и хмурое небо стало голубеть. На крышах появились долгожданные плешины, хотя снег еще белый-белый и совсем не думает таять.

Про тополек мне и сказать нечего. Мне попросту некогда даже взглянуть на него. А он так и стоит один — маленький, тонкий, по макушку в снегу.

Ну ничего, друг, ты выдержишь все, ведь скоро весна. А вьюги и снег только закалят тебя.

22 февраля

Добрый вечер.

Иногда мне хочется сказать: «Глупые люди! Ничего вы не понимаете!»

Боль всегда выливается в музыку, в стихи...

26 февраля

Вчера писала сочинение с двенадцати дня до двух ночи. Тема была хорошая, пыталась философствовать (не тема, конечно).

Недавно делала доклад о юности Николая Островского. Получила «пять», всем понравилось. Была большая радость. Эмма (классный руководитель) сказала, что она поражена. Я усмехаюсь.

Потом доклад о жизни и творчестве Паганини. Эмма снова охала и ахала...

23 февраля дарили мальчишкам подарки. Большинство — игрушки.

Они были очень рады, мы радовались вместе с ними. Владик пообещал нам надарить кастрюлю и поварешек. «Назло», — сказал он, но мы ему не очень-то верим.

1 марта

Первый день весны, какой же ты зимний! Небо серое-серое, и земля закована льдом. Это у меня в душе, и в природе тоже. Я несчастный человек. Надя говорит, что не задумает мне. Не знаю. Я не люблю А. Не знаю, почему меня тянет к нему. Стихи не пишу давно.

Да, Андрей сегодня сказал, что терпеть не может стихи. Как-то на комсомольском собрании он сказал (ехидно), что пишет стихи. Надя не расслышала. Я сказала ей вчера об

этом. Сегодня она говорит Андрею: «Мне нужно что-то сказать тебе. Нет, потом». Он потребовал, чтобы она говорила сейчас. Сказал, что потом отвечать не будет. Потом добавил: «За себя?» — «Да, за себя», — ответила Надя.

Через два часа.

Вдруг хорошее-хорошее, печальное всеобъемлющее настроение. Кажется, весь мир вместился в твое сердце, и ты понимаешь весь мир. А тебя... а тебя почему-то никто. И слезы почему-то навернулись на глаза. Влюбилась что ли? Я страшно глупа. Ведь вру же, что влюбилась. Стихов-то не пишу. Факт.

Скоро 8 Марта. Я жду его и в то же время не жду. Мальчишки что-то подарят. Я хочу игрушку. Не подарят, конечно. Жаль.

Мне кажется, что я попала в глупое положение перед Андреем. Надьке кажется, что я влюбилась в него. А я не знаю. Я просто каждый день удивляюсь себе. Сегодня испортилось настроение из-за того, что мне показалось, будто он сказал: «Не люблю».

Это было так. Я уже говорила об этом. Теперь продолжай.

«Да, за себя», — ответила Надя. — «Нет, ты скажи сейчас, — говорит Андрей, — а то я не люблю, я не люблю, не люблю (и еще много раз), когда начнут говорить, а потом молчат».

На перемене Надя сказала. Он расхохотался. Сказал, что не дурак и, вообще, не любит и не разбирается в стихах. А говорил, что любит Маяковского. Я знаю, что он хорошо знает и Чекмарёва. Сегодня я узнала, что ему нравится Седьмая симфония Шостаковича.

Прекрасно, он не любит стихов. Надя сказала, что мне нравятся одни идиоты.

Когда идет первый снег, становится пусто, грустно и тихо. Как будто после смеющегося счастья чья-то рука остановила

тебя на бегу, и кто-то усмехнулся, сказал что-то грустное, как бы напомнил, что не всегда жизнь так прекрасна и что всему на земле есть свой конец. И станет жаль чего-то.

А когда земля освобождается от снега, начинает оттаивать и еще не вздохнула облегченно, тоже начинаешь задумываться над пролетевшими годами. И обязательно вспомнишь детство, какие-то первые неясные ощущения.

Идешь по улице и вспоминаешь. Вот здесь когда-то, давным-давно, я шла в детский сад. И что-то детское, далекое всколыхнется в сердце.

А иногда хочется превратиться в ребенка.

Через два с половиной часа.

Человек не должен, не имеет права себя жалеть! К людям нужно быть требовательным, к себе жестоким. Я не имею права оправдывать себя. Нет ничего невозможного для человека. Я не могу сказать, что не смогла что-то сделать в силу каких-то причин. И если шевелится в душе что-то мелкое, такое тихое, шепчет тебе: «Ну и что, ведь никто не знает об этом». Или: «Ведь было же оправдание». Не верь этому мелкому чувству. Заставь себя не верить!

7 марта

День-то какой хороший! Правда, солнца нет. А завтра 8 марта.

Видела Валеру Л. Что-то было со мной. Не знаю, как внешне это проявилось. Это уже не чувство, конечно. Так, отголоски...

Да, забыла. В магазинах сегодня столпотворение. На улицах море мужчин. Покупают все, что попадает на глаза.

Страшно хорошее было сегодня небо. А настроение не очень.

«Надоело говорить и спорить // и любить усталые глаза», — это Павел Коган. О нем я расскажу тебе когда-нибудь. То, что я написала сейчас, это отрывок из его «Бригантины».

14 марта

И в беде, и в радости, и в горе
только чуточку прищурь глаза,
в флибустьерском дальнем синем море
бригантина поднимает паруса.

Зима. Хмурое небо, и где-то затерялась в тумане бригантина. Но мы будем бороться со стихией, да, будем! И тогда улыбнется хмурое небо, и засверкает разноцветными красками море. Бригантина поднимет флаг на мачте, и он затрепещет, забьется, подхваченный ветром. И снова легко и свободно заскользит по волнам бригантина, уходя в открытое море навстречу новым штормам, навстречу трудной победе.

Мыслей много, пожалуй, очень много. Но никогда, пусть даже сто лет будешь жить на земле, не выразишь всех. Ведь человек растет стремительно, обновляясь с каждым днем. И с каждой минутой приходят новые, более яркие мысли, а старые гаснут, стираются в памяти.

А жизнь человеческая так коротка! Какое-то мгновенье, какой-то стремительный прыжок в небо!

Звезды. Как велика их жизнь по сравнению с нашей! И как ничтожен каждый из нас в сравнении с ними! Какая ничтожно малая частичка приходится на нашу долю, и мы не можем взять еще у звезд. А они с холодным равнодушием смотрят на нас сверху вниз. Звезды, свет которых доходит до нас через миллионы лет.

Наверно, она нам не нужна, такая огромная жизнь. И как много времени мы тратим впустую, времени, которое ничего не значит в сравнении с жизнью звезд. Это мгновенье, эта яркая вспышка иногда растрачивается по мелочам. И человек гибнет, так и не увидев солнца.

Мне жаль этих людей, людей, которые видят счастье в тишине и находят его в тихой, застывшей заводи. Людей, на чьем сердце нет ни одного рубца. Людей, которые не умеют плакать от радости и смеяться, когда судьба зло шутит. Они никогда не сравнят свою жизнь со звездами...

А сама каждый день пишу стихи.

17 марта

«Слушайте! Слушайте! Это раздается в Бухенвальде колокольный звон!» Потрясающе! Песня в исполнении Краснознаменного ансамбля песни и пляски Советской Армии. Плакала. Нет, не от жалости. Вспомнила людей, чей пепел уже давно развеян там, в Германии.

И кто знает, какой ветер подхватил горстку пепла моего отца или веселого младшего маминого брата Ванюшки. Ветер не донес его до того села, до тех берез, которые по-прежнему шумят своими зелеными вершинами. И так же тихо течет речка Боровлянка, как сорок лет назад, когда бегал здесь голубоглазый мальчуган.

И кто знает, какой придорожный камень хранит эту тайну? Страшно, что никто не может ответить на этот вопрос.

А ты, Петро? Может, ты вернулся на Украину и сейчас шагаешь по земле?

Я не хочу этому верить! Да! Ты погиб! Ты писал хорошие письма. Я верю тебе. Но я бы хотела знать, где застала тебя эта страшная минута.

Старший мамин брат, Дмитрий, попал в плен. Что было дальше? Об этом знает только ветер да земля, что впитала в себя кровь миллионов своих сынов.

18 марта

«Ветка тополя» — так я назову первую свою книжку стихов, если она будет когда-нибудь.

Я узнала, при каких обстоятельствах А. сказал, что не любит меня. Все произошло не так, совсем не так, как писала я в своих последних «рассказах», один из которых назывался «Ветка тополя». Да, все было гораздо прозаичнее.

На одном из уроков Тая К. села с А. И, ничуть не смущаясь, сообщила, что я якобы влюблена в него. Андрей молчал. Потом Тая предложила ему мои стихи: «Возьми, может, потом вспомнишь и пожалеешь». — «Нет, зачем же, я же не люблю ее», — ответил Андрей. Ты, конечно, представляешь, как я взбесилась! Но я ничего не могла сказать Тае, ведь все было сообщено мне Надей под строжайшим секретом!

Она решила помочь мне и выпрашивала любовь у А.!! Он же может подумать, что я подслала ее к нему! Как она могла! Я ей никогда не говорила про него, она сделала вывод из стихов.

Мне почему-то вдруг показалось, что незачем ходить в школу. А потом появилась какая-то надежда: ведь он мог ничего не говорить Тайке.

Если бы ты умел говорить, дружище!

22 марта

Стоит ли жить ради ничего? Да, стоит ли жить ради того, чтобы прожить один день, чтобы закончить школу, не зная что же будет дальше?

Я усмехаюсь. Кто может ответить на этот вопрос! Кто-нибудь, конечно, может, но я не спрашивала ни у кого. А ты, дневничок, тоже не можешь ответить. Да. Я думала об этом и шла по улицам. День был хмурый, кое-где окна уже засветились электрическими огнями. Было невесело, даже плохо. А была весна, воробьи кричали по-прежнему: «Да, стоит, стоит!» И казалось, что шумят тополя. Но они молчали.

Вчера был солнечный день, я шла по лужам, ручьи еще не звенели. Нет, они тихо стекали вниз, к реке, но были все равно чистыми и очень-очень хорошими.

Вечером, часов в десять, я залезла на крышу. Город зажег огни. Было грустно. Тысячи людей, наверно, думают за этими окнами, но никому, ни одному человеку нет дела до тебя, почти никому. И совсем никому не хочется прочитать мои стихи или просто сказать: «Ты неплохой человек, Нинка!» Пусто.

Сегодня противное настроение. Тая сказала, что уже решила покончить жизнь самоубийством. Только не сейчас. Я ей верю. Говорила ей, что глупо, что через год все пройдет, ссылалась на то, что со мной было такое же совсем недавно. Наде смешно. А я так легко не отдам свою жизнь. Нет!

23 марта

Настроение было хорошее-хорошее, какого не было давно, с позапрошлого года.

Было море чувств, море огромное, бирюзовое и живое весь день, с самого утра. А вот написать не могу.

И сразу отошло море. И мысли были тоже хорошие.

Тогда начну сначала, с самого утра.

День был хмурый с самого рассвета. Не учились. Собирали металлолом.

Сначала составили характеристики на Раю Б., Владика и Макса С. Всем положительные. Я говорила о Рае.

Владик был страшно рад, даже один принес тяжеленный кусок рельса.

У меня было замечательное настроение. Хорошее-прехорошее. Я была влюблена во весь мир.

Конечно же, в нашем классе все почти будут замечательными людьми! Именно людьми!

Когда шли обратно, я сорвала несколько веток тополя. Первый раз в этом году. И в первый раз я вспомнила ту

ветку тополя. Но было радостно. Я была влюблена во Владика, в Сергея Л., во всех, кроме М.

Надя сказала, что ветка тополя — это идеал для меня...

Я видела сегодня Валерия Л. Я была влюблена во Владика и Сережу Л.

Как я счастлива, что живу на Земле! Боже мой, как мне жаль людей, которые никогда не полюбят ветку тополя, тех, кто никогда не поймет моей радости! Как хочется влюбиться в кого-нибудь!

Я не верю в то, что все люди расчетливы. Ведь только человек, только человек может написать «Продолжение легенды» и «Бухенвальдский набат»!

28 марта

Тошно, друг мой. Страшно и тошно. А на улице весна, и солнце смеется еще застенчивой улыбкой. И небо бирюзовое, и, наверно, есть люди, которые смеются сейчас звонко и заразительно. А я? А я не жду ничего, я одна, совсем-совсем одна в этом огромном городе. Да и во всем мире.

В начале года я почему-то решила, что вокруг меня много друзей, а сейчас вот снова одна.

В нашем классе хорошие люди, а я не знаю, что мне нужно. Может быть, просто ходить и ходить молча, только бы знать, что если я скажу что-нибудь, то мне ответят: «Да, да, я тоже так думаю».

Не верю ни во что. Верю в то, что были замечательные люди. И мы, наверно, ведь тоже неплохие, только дураки. И молодежь 80-х годов будет завидовать нам, и среди нас найдутся замечательные люди. А плохие, плохие просто не запоминаются, поэтому другому поколению будет казаться, что мы все были замечательными ребятами. И мы, наверно, будем!

Вечером.

Мы все завидуем вам, комсомольцы двадцатого года! Комсомольцы тридцатых—сороковых годов! Вам было трудно, но это лучше, чем нудно! Вам было что выбирать, у вас была возможность испытать себя! Вы могли принять или не принять революцию, и это определяло ваше мировоззрение.

Я знаю, вы смотрели вдаль и представляли нас какими-то особенными, очень замечательными ребятами. А мы? А мы вот какие.

Мне стыдно сидеть без дела и ждать чего-то неопределенного! Ведь ничего не придет само.

Да, вам был смешон Онегин, вам казалась нелепой смерть Анны Карениной. Вы недоумевали, почему же герои прошлых столетий тяготились жизнью, мучились, стрелялись на дуэлях, но даже не пытались перестроить жизнь. Вы были замечательными ребятами. А мы? А мы не знаем, куда деть себя, мы неудовлетворены жизнью.

«Уважаемые товарищи потомки!» — не к нам ли обратился В. Маяковский!

Мы не так уж плохи, нет! И мы сумеем взять эстафету из ваших рук, комсомольцы далеких лет. В наших сердцах частичка огня вашей тревожной молодости.

Да, она слишком дорога, наша жизнь, чтобы тратить время на ничегонеделанье. Нужно действовать!

30 марта

Доброе утро, дорогой друг.

Я очень часто, пожалуй, слишком часто, встречаю Валеру Л. Но я не смотрю на него, потому что не знаю, что будет выражать мой взгляд, потому что уверена в том, что взгляд мой не будет равнодушен.

Нет, я не думаю о нем, я, вообще, ни о ком не думаю, я не готовлюсь к экзаменам. Я читаю. Правда, прочитала очень мало, но читаю почти все время.

Я прочитала пять последних рассказов Анатолия Кузнецова, прочитала «Валю», «Володю» Веры Пановой. Война? Да, в рассказах В. Пановой война. И пусть! Пусть будет больше книг об этой войне, пусть дети будут знать все об этих кошмарных годах! И пусть все время гремит «Бухенвальдский набат»! Люди не могут, не должны забывать миллионы замученных товарищей! Тогда мы будем ценить нашу жизнь.

Я бы поставила где-нибудь в точке, делящей наш шарик пополам, громадный памятник. Нет, не жертвам фашизма. Я не хочу называть жертвами людей, чьи тени остались на ступеньках зданий Хиросимы и Нагасаки, чей пепел давно развеян по ветру, чьи кости изгнили в земле, похоронившей их живыми. Нет, они были не просто жертвами — они боролись. И возле памятника разбилась бы парк. И пусть в нем будут деревья всего мира, и пусть будут самые хорошие на свете цветы, пусть будут соловьи и голуби, обязательно голуби, много-много.

Я бы не стала расстреливать палачей. Я бы собрала их и заставляла читать все книги мира о фашизме, смотреть все кинофильмы об этой войне, слушать все песни о войне, а потом раз в год собирать их и людей, что испытали их зверства...

Мне кажется, что у А. Кузнецова какой-то особый талант, талант самый хороший, когда человек пишет только правду, без малейших прикрас. И я знаю, что Анатолий Кузнецов никогда не будет в стороне от жизни, его произведения будут новой вехой на пути нашей литературы, потому что он ухватил самое основное в жизни, что никогда не отдалит художника от людей, так же, как Михаила Шолохова. Но что, я еще не знаю сама. Вернее, знаю, но только сердцем, а не умом.

3 апреля

Через три дня мне стукнет семнадцать. Семнадцать — как это много, страшно много, правда, дневничок? И страшно то, что ничего-ничего полезного я не сделала за эти годы! А ведь жизнь-то идет, годы бегут, отсчитывая минуты, секунды. Спешат, все убыстряя свой бег!

Я ни за что не буду печатать свои стихи, пока не увижу, что они созрели (если только это произойдет).

10 апреля

Добрый день, друг.

А день-то действительно добрый! Хороший. А небо! Ну ты же ведь знаешь, какое небо!

Погода «преступная». Да, и очень. Экзамены скоро, слишком скоро. Рассказать тебе нужно о многом. Нужно, но нет желания.

Погода скорее летняя, чем весенняя. Хотя еще апрель, но нет уже звенящих вечеров, и ручьев тоже нет. Уже стало тихо, слишком стремительно пронеслась бурлящая весна... Тихо, но хорошо. Еще что-то первое, неясное, неутвердившееся, потому что еще не лето.

11 апреля

Мальчики, обычные наши мальчики, хорошие мальчишки. Можно написать о вас много хорошего и много плохого. Я обязательно напишу о вас, мальчишки. Стихами или прозой. Почти во всех из вас я была немножко влюблена, а вы ведь все разные, очень разные.

12 апреля

Привет, дружище, добрый вечер.

Плохо, очень плохо. И в то же время замечательно, что ты живешь на Земле.

Я не буду тебе рассказывать, что произошло сегодня, как не говорила и о предыдущих днях. Не могу, было пло-

хо, но в то же время что-то неясное, замечательное будоражило душу.

Надя все больше привязывается ко мне, я к ней тоже...

Мне плохо, дорогой друг, я запуталась в себе и в жизни, я, наверно, просто не понимаю жизнь. Я одна, одна. Во всяком случае, мне так кажется.

Мне жалко Тайку. Нинка смотрит на меня печальными глазами.

Нина, Нина, ты когда-то умела слушать меня и даже отвечала на мои вопросы. Мне когда-то было хорошо с тобой!

Почему так много противоречий на свете? И любовь, оказывается, можно превратить в шутку!

16 апреля

Добрый день, мой хороший друг.

Мне было больно и тяжело. Надя сказала, что я ненавижу людей!

Милый мой, ты знаешь больше всех обо мне, но еще не всё, не всё. Ты знаешь, может быть, один, что я верю в людей. Верю всегда и во всех...

Я же люблю жизнь, а она говорит, что во мне мало жизни.

Она сказала, и я в первую минуту растерялась, я в первый раз в жизни на людях не смогла сдержать свои чувства. И мне, наверно, стало очень жаль себя, потому что я вдруг заплакала и начала колотить Надю. Наверно, это было очень смешно, потому что она не сопротивлялась.

А вчера было хорошо! Мы были на ЧЭМК во второй раз.

Ты знаешь, это были одни из лучших минут моей жизни. Я видела громадные цехи комбината, я видела простор и становилось хорошо на душе, в ней прибавлялись силы. И я верила в жизнь. И хотелось каждый день приходить сюда и делать любую работу. Только бы быть здесь, только бы ощущать величие жизни, громаду труда. А потом прихо-

дить домой и писать. Это была бы самая большая радость. А счастье? Для счастья нужно еще многое, но это — основное...

Сосны, сосны! Когда я увижу вас снова? Дорогие, гордые деревья — лапистые сосны. Я возьму вас за лапки, проведу рукой по ветке, поглажу ей щеку. И вы не уколете меня, хорошие мои. Я буду долго стоять, закинув голову, а вы — смотреть на меня и тихо рассказывать о своей жизни. Я возьму иголки маленькой сосенки, и она закивает мне, засмеется. Я расскажу вам про свою нескладную жизнь и любовь. И про ветку тополя тоже. А потом я поеду к березам, необыкновенным березам, а потом к вербам, к хорошей, тихой, чистой красоте. Я буду плакать от радости, и мне будет недоставать музыки, а стихи я напишу сама.

21 апреля

Сегодня гуляли с Надей и снова встретили Валеру Л. Он шел впереди с Юрой К., и я думала, как я могла влюбиться в кого-то, когда любила-то всегда одного В. И стало хорошо от того, что вспомнилось все, и грустно от того, что эта любовь так и остается веткой тополя.

22 апреля

Тетрадь кончается.

23 апреля

Я беру тетрадь, еще толще предыдущей, в надежде, что ее-то уж мне хватит надолго...

А сейчас я напишу воображаемое продолжение повести, которая началась с того, что в одно, далеко не прекрасное школьное утро мальчик по имени Вадим с очень пышной шевелюрой и очень низким голосом сказал, что Серега Л. не пришел в школу потому, что у него насморк.

Все засмеялись, и мальчишка вышел из класса, стрельнув в мою сторону своими глазницами. Сколько раз я ругала себя за то, что улыбнулась в этот момент!

Так вот, история началась. Мальчишка еще много раз смотрел в мою сторону и даже стал садиться за мной, а потом вдруг исчез и вот сегодня появился снова.

Повесть продолжается.

Голубоглазым майским днем мне вдруг захотелось немедленно куда-то уехать. Недолго думая, я села в троллейбус «КБС — ПКиО», и вот уже уходит назад площадь Революции с памятником Ильичу. «Ты совсем не так плох, мой город», — думаю я.

«Ты очень даже неплох, мой город», — думаю я, проезжая мимо «Орленка» и видя громаду Политехнического.

Схожу на конечной. Куда ж теперь? Озираюсь и только теперь понимаю всю нелепость своего путешествия.

Да, я была здесь. Была давно, тогда не было этих огромных зданий. А вот библиотека была — детская имени В. Маяковского. И мы были детьми, и мы вот так же, как этот мальчишка, спешили в библиотеку. Мы ходили туда часто, почти всегда пешком. Мы читали еще детские книги, но говорили уже о любви.

Я здесь помню все, только вот сосну, стоящую одиноко, забыла.

Детство прошло, и как давно мне было тринадцать лет. И я была влюблена в первый раз, а ходила еще в детскую библиотеку!

Все было по-другому. И Вадим жил еще недалеко от нас и, может быть, тоже ходил в эту библиотеку.

А теперь все по-другому. Я иду зачем-то в магазин, открываю дверь и... Я не удивляюсь, нет, передо мной Вадим. Я отступаю на шаг. Он стоит, смотрит на меня исподлобья. Я не знаю, что делать, и смотрю на него.

Потом он хочет пройти мимо, но кто-то просит посторониться. В магазин вносят какой-то длинный ящик. Для того, чтобы посторониться, нам нужно или выйти на улицу или войти в магазин.

Тогда Вадим вдруг поворачивается и проходит в магазин, я иду за ним. «Здравствуй», — вдруг говорю я.

«Здравствуй», — говорит он, глядя куда-то мимо меня и по обыкновению кривя рот, чтобы казаться серьезнее.

«Ну как живешь?» — говорю я, сама не зная, зачем. — «Да так, — отвечает он, — а как ты сюда попала?» — «Говорят, что здесь хорошие конфеты, — вру я. — Пойдем посмотрим».

И мы идем. Конфет хороших, конечно, не было, как и в любом другом магазине нашего города. А может, и были.

Мы вышли на улицу. «Ты теперь куда?» — «Не знаю», — вдруг ответил Вадим. — «А погода хорошая», — неожиданно сказала я и взглянула на небо. — «Ничего», — скривился Вадим.

И вдруг мне стало смешно, что мы так натянуто разговариваем. «Димка», — невольно вырвалось у меня.

Он вдруг вздрогнул и первый раз за все время нашего разговора удивленно и настороженно взглянул на меня. А я почувствовала, что краснею. Закусила губу и краснею, краснею. А потом мы пошли, не сговариваясь. Мы шли долго. Все шли и шли. Солнце уже стало опускаться за сосны, а мы все шли.

«Почему я никогда не встречала тебя после того, как ты ушел?» — «А я видел тебя несколько раз». — «Ты знаешь теперь мотив „Письма“?» — «Знаю, конечно». — «Ты ведь поешь». — «А ты пишешь стихи». — «Но ведь ты тоже написал три стихотворения за четыре года».

Мы не спрашивали друг друга, откуда все это знаем. Мы просто шли.

А потом остановились, и я сказала: «Ну я пойду», — «Я поеду с тобой?» — Мне и в голову не приходило, что это

значит «проводить». «Пожалуйста», — сказала я, несколько не удивившись.

Мы вышли из троллейбуса и снова пошли. Он, наверно, знал, где я живу. Потом мы простились.

3 мая

Прочитала сочинение Лены Э. Здорово! Здорово так, как только может быть здорово. Я бы хотела писать именно так, просто, как жизнь. Я пишу еще очень нудно и слабо, очень слабо.

7 мая

Было и уже прошло Первое мая. Тихо, без шума и смеха. Прошло бесследно, проскользнуло. Так. Просто никак. Настроение грустно-хорошее, и хочется влюбиться в кого-нибудь хорошо-хорошо и сильно.

Я взглянула на березку и вдруг поняла с удивлением, что она уже не девчонка, что детство уже ушло от нее.

11 мая

Добрая ночь, дружище.

Нужно учить физику, завтра наверняка спросят, а я вот пишу.

Сегодня физичка удрала от нас. Виноваты были, конечно, но сегодня сидели как раз неплохо. Было страшно жарко, и мы не могли говорить, а она взяла и удрала. Мне ее жалко, она очень слабохарактерная, поэтому мы ее не ценим. И с ней можно было договориться, как и с любым другим человеком. Она, наверно, ночи не спит, все думает, как бы это сделать что-нибудь такое, чтобы заинтересовать нас. А мы, свиньи, наверно.

Надя сказала, что ей Сергей Л. сказал, что Юра М. влюблен в меня. Ты знаешь, я не удивилась, я в душе знала это с

самого начала, а говорить нельзя было даже тебе. Ну и что? Я, конечно, не пришла в смятение, как тогда, 12 января 1961 года, от заявления К.

Ну что сказать тебе, Юра? Дело не в том, кого ты любишь, а именно в том, что любишь, любишь.

14 мая

Добрый вечер.

Хочу сказать так, без вступления.

В субботу мне рано захотелось спать. Я уснула и все время слышала пионерские песни, которые передавали по радио. Песни были хорошие, но я не могла проснуться.

Потом вдруг проснулась, диктор объявил: «Много хороших писем пришло к нам в редакцию. Одно из них написала нам ученица такого-то класса...» Эта девочка нарисовала глупых первоклассников, маленьких и несмелых; пионеров, задорных и озорных, а еще Красную площадь, голубой рассвет, сизых голубей и людей, очень счастливых и очень печальных, которые пришли прощаться с детством.

И вдруг какая-то волна набежала на меня, не одна, а много. Я задохнулась, это была любовь, любовь ко всему, к жизни, к детству. Щемящая любовь к тому, что ушло безвозвратно. Как будто детство ушло только сейчас, в эту минуту.

И мне стало жаль этого детства, я поняла, что его нужно было беречь, ценить. Но это невозможно.

Волны набегали и уходили. Здесь были не картины, а только ощущения. То колхоз, то любовь, то что-то давнишнее, детское и до боли родное.

Я плакала, конечно, долго и искала бумагу... и писала.

16 мая

Добрый вечер, мой хороший!

Мыслей много, как всегда, и противоречий тоже, как всегда. Много грусти хорошей, чистой, большой, тревожной, предчувствие чего-то очень большого, хорошего или плохого...

Человек. Все в жизни зависит только от человека, от его воли. Среда? Во-первых, среда — это тоже люди и человек, так как все создается только им, человеком. А во-вторых, один человек засасывается, впитывается средой, а другой сопротивляется ее воздействию.

Каждый человек претерпевает изменения в течение жизни. И вот я тоже.

В прошлом году я пришла к выводу (это что-то толстовское), что человеку можно прощать все, что всем без исключения людям нужно делать только хорошее, а тебя пусть не уважают, унижают. Ну так что же? Ты же делаешь хорошие людям и этим счастлив.

Теперь я поняла, что это не так. Да, в каждом человеке есть много хорошего, но много и плохого. К людям нужно быть требовательным, к себе беспощадным. И этим ты только возвысишь человека. Я всегда помню слова Горького: «Жалость унижает человека».

18 мая

Жалки и смешны люди, когда они борются за обладание большими средствами к деятельности, чем остальные. Они ссорятся между собой, раздражаются и становятся очень некрасивыми.

Люди, люди, неужели это так важно: приносить боль другим даже из-за пустяков?

23 мая

Друг мой, дорогой мой друг!

Завтра мы прощаемся со школой. Завтра, 24 мая 1962 года, прозвучит для нас последний школьный звонок. И все,

что было до этого звонка, будет прошлым, а впереди — будущее.

Какое оно, это будущее? Как много раздумий звучит в этом слове, как много людей произносили это слово. Вот так же, как мы! И каким оно будет разным у всех нас!

А он вернется, золотой сентябрь, и придут в школу со всех концов нашей земли миллионы ребят, разных, очень разных. И для кого-то прозвучит первый школьный звонок.

Был первый, самый первый, школьный день, первая учительница, которая любит всем сердцем нас до сих пор, и товарищ по парте тоже первый — Андрей. Первая пятерка и двойка тоже первая. Все было первым. И вот все стало последним, самым последним.

Жизнь... Мы пришли в нее семнадцать лет назад, а это немалый срок, и если ты не сделал ничего полезного, ты просто не хотел участвовать в ней. В этом твоя вина.

Вчера В. А. Барочкина долго и внимательно смотрела на нас. Она вглядывалась и как бы проверяла нас и себя, правильно ли она оценила нас, будем ли мы такими, как она предполагает. И какими же мы будем в жизни всегда? Она заглядывала нам в глаза и хотела заглянуть через годы в наши души. Она не говорила нам долгих напутственных слов, ей просто стало немного грустно, что мы не придем в класс будущей осенью. Ведь мы, наверно, были не очень плохими учениками. А я надолго запомню Вас, Валентина Александровна Барочкина.

Моисей Матвеевич Лейвиков тоже внимательно и очень пристально всматривался в нас.

«Кто же вы, люди, которым десять лет мы пытались вбить в голову свои знания? — думали, наверно, все учителя. — И каким эхом откликнитесь вы?»

Люди, люди, будьте людьми всегда и во всем! Слышите, люди?

А Вы плакали, не стыдясь, дорогая наша Варвара Васильевна Марковская.

Нас было сорок два в наш первый школьный день. Сегодня прощаются с детством, со школой, в которую пришли десять лет назад (правда, это уже не то здание, но ведь школа-то наша): Макс С., Нина К., Нина Л., Аля К., Владик К., Рая Б., Тая Д., Слава Р., Андрей М., Юра Л. и я.

Нас осталось одиннадцать, но Вы помните нас всех, Варвара Васильевна...

«В добрый час, мои хорошие ребяташки», — сказала Варвара Васильевна.

31 мая

Добрый вечер, дорогой мой.

Вчера сдавали литературу. Не буду говорить об ощущениях. Плохо, крайне неудовлетворена собой. Писала что-то, а что и сама не знаю.

Так много я выучила читат из Горького, Маяковского, Островского, Астафьева, Кузнецова и почти ни одна из них не пригодилась. Правда, я много использовала других читат в сочинении. Но как! Ведь у меня же были почти голые читаты, а своих мыслей две-три!

Последнее школьное сочинение, а может, и вообще последнее. Да, и не будет больше В. А. Барочкина писать длиннейших рецензий, в которых укажет и малейшую ошибку и крупинку хорошего...

Да, Валентина Александровна, Вы больше всех вложили в нас души! И это с Вашим приходом я стала писать от души. И это Вы научили нас ценить Маяковского, потому что он Ваш любимый поэт. Может быть, мы не осознали еще всего, что Вы нам дали, но это придет само собой, это выявит сама жизнь.

6 июня

Доброе утро, дневничок.

Не буду говорить, что значит сдавать экзамены. Скажу только, что устаю страшно. По литературе получила «пять».

Говорят: иди в Литературный. Боже мой, я же так мало знаю. Да и нужно ли идти туда хоть когда-нибудь? Не знаю. Кто же мне может ответить?

9 июня

Добрый вечер, мой хороший.

Сегодня я могу писать долго-долго. Ты догадался? Совершенно верно. Я сдала очередной экзамен. Говорят, что это самый легкий экзамен в нашей жизни. Самый первый и самый легкий. Наверно, это так.

Люди шагают по земле, люди с определившимися судьбами. А что будешь ты в этом потоке?

Нет, жизнь — это не водоворот, все в ней распределено, каждому отведено свое место, свой кусочек земли.

Слушайте, но ведь есть же какая-то сила, которая движет все это. Есть же какая-то закономерность в событиях (эта закономерность известна всем, между прочим). Жизнь. Ты даешься один раз. Только один раз, и ты очень богата, ты очень щедра, жизнь. Но можно прожить тебя и не увидеть, не ощутить счастья, огромного, бушующего моря счастья. Но это в твоих руках, человек. И ты должен, ты обязан найти счастье, человек!

Нужно уметь радоваться жизни, а для этого нужно искать, нужно «бороться и искать, найти и не сдаваться». И я хочу бороться и найти свое место на Земле, а когда найду его, вот тогда я буду счастлива!

Это всем известные истины. По-моему, главное — это уметь искать то, что ты хочешь найти в жизни, чтобы подтвердить и доказать свои убеждения.

И я постараюсь найти то, что ищу в жизни, а когда найду, еще раз поспорю с вами и может быть, даже с собой. Можно гореть, а не коптить. Не можно, а нужно гореть!

Я перечитала два последних дневника, и получается, что все время любовь, что все время больно и пусто.

Это плохо, мой дорогой, но это не всегда так. Все же чаще у меня бывает хорошее, сильное чувство, чувство радости, что ты живешь, что ты человек, а не какая-нибудь стрекоза!

Я мало пишу в сущности, хотя исписала много бумаги. Это плохо, но иногда бывает действительно больно, иногда разочаровываешься в людях.

Боже мой, это страшно — разочаровываться в людях, разочаровываться до глубины души, если она существует!

10 июня

Еще скажу о дневниках: мнения о многих людях изменились.

14 июня

Купила наконец Сорокина. «Я не знаю покоя» — называется сборник. Ждала полгода. Первый его сборник называется «Мечта». Он у меня тоже есть. Порадовал Валентин Сорокин, заметно вырос. Человек любит жизнь, человек не знает покоя! Иногда что-то есенинское («Ветер листья уносит» или «Позови ты меня, позови»).

Очень давно не пишу стихов. Может быть, и не буду больше. Буду читать и любить чужие, находить в них отклик на свои переживания.

Скоро прощаться со школой. Каким-то будет наше завтра? Хочется, чтобы оно наступило скорее, и в тоже время немного тревожно.

17 июня

Осталось сдать историю. Готовлюсь ли? Как видишь... Я теперь думаю, как будто пишу, и пишу совсем так же. Вчера я подумала, что из нашего класса, пожалуй, только у Гали П. будущее определено. Все время она мечтала быть врачом, и мечта ее сбудется, потому что она вполне существоваема. У нее есть мальчик, который любит ее и которого она любит. Они вместе готовятся в институт, они поженятся, у них будут дети. У них будет хорошая семья; и они научат своих детей любить Родину и папу с мамой. Куда яснее и проще?

А я хочу ездить долго-долго, увидеть много людей и подружиться с ними. И пусть в моей комнате будет раскладушка, на которой я буду спать, заезжая домой; и две запасных для друзей, которых у меня будет много-много. Пусть будут стоять письменный стол и полка с книгами, на которой первое место займут «Продолжение легенды», стихи Павла Когана, В. Маяковского, Чекмарёва, Светлова, Астафьева, Сорокина. А на столе будет обязательно стоять букет цветов или тополь, ветка тополя.

И пусть у меня будет друг, хороший мечтатель, которого я научу любить стихи и дорогу без конца и края, по которой нужно всегда идти вперед.

26 июля

Добрый вечер, дневничок.

Начну так.

Это было 22 июня, как раз накануне последнего школьного вечера.

Был еще день, но солнце уже завершало свой длинный дневной летний путь. Нас было трое: Надя, Рая Б. и я. Мы шли по проспекту. И тут произошло... Ну, что ты думаешь произошло? Событие? Да, событие. Может быть, очень не-

значительное, скорее, обычное. Даже не событие, а случайная встреча. С кем? Нет, не с Валентином Сорокиным.

Знаешь, нам встретился Серега Л. и ... Ты знаешь кто. Не догадался? Да Димка же, Димка! Ну да, тот самый, самый необычный Вадим.

Сергей приветствовал нас, Вадим был хмур по обыкновению. Он смотрел куда-то мимо нас, но Надя окликнула его: «Да, Вадик, ты должен вернуть книги в школьную библиотеку!» — «Не вздумай, Вадик», — проговорил Сергей и, легко взяв за плечи, повернул Вадима. И они зашагали дальше: длинный, похожий на испанца, все делающий слегка, небрежно и только то, что хочется, Сергей и Вадим, крепкий, нахмуренный и немного печальный, как всегда.

Наверно, это мелко, глупо, просто неинтересно писать об этом, но в моей жизни нет интересных событий. Сейчас я завидую только тем людям, которые идут в поход, на рыбалку или просто в лес по ягоды.

Я не могу пойти в поход, но я агитировала за поездку в лес. Ездили два раза. Первый раз в Такталым, второй — в Полетаево.

В первый раз привезли цветы, даже не охапку, а больше. В общем, они поместились только в ведре. Пожалуй, можно рассказать об этих поездках.

День путешествий первый. Десять часов местного времени. Мы: Клавдия Александровна, Серега (мои соседи) и я стоим у таблицы расписания пригородных поездов. Потом у таблицы стоимости билетов.

Второе, конечно, важнее первого, тем более, что мы все трое не знаем, где окажемся через час. Да нам это и все равно.

«Пусть будет Бишкиль», — говорю я. Стоимость нас вполне устраивает — сорок шесть копеек.

Клава боится, колеблется и в нерешительности смотрит на меня.

«Ну конечно же, давайте покупать билеты. Поедем на кисегачском, он отходит в 9.43 по московскому», — говорю я уверенно.

Пока Клава роется в сумке, мы с Серегой останавливаемся у следующей таблицы «Челябинск — Троицк».

«Вот хорошая станция, — говорю я, — Клубника, но билет стоит сорок две копейки, а остановки всего три, да и поезд идет нескоро».

Внезапно выясняется, что Клава оставила деньги дома. «Поезд отходит нескоро, успеешь», — говорим мы. И она пошла, а мы купили шоколадного мороженого и сели под часами.

Стрелки приближаются к половине десятого, а Клавы нет.

Вот уже полчаса, и объявили посадку на наш поезд, а ее все нет. Серега ушел встречать ее, и она пришла наконец.

Мы купили билеты и пошли к поезду. Искали свободный вагон и дошли до первого.

Людей было мало. Какой-то милиционер спал, другой сидел. Мы ехали и твердили название станции, после которой идет Бишкиль: «Такталым, Такталым». А потом забыли, конечно.

Клава вскакивала после каждой остановки и хваталась за сумку. «Да нет, — говорила я, — еще будет остановка, в названии которой два „т“, а потом будет наша».

3 июля

Сегодня мне в руки попали повести Аркадия Гайдара. Я обрадовалась им. Я прочитала «Тимура...» и «Военную тайну». Снова плакала, когда упал светлый, ясноглазый, такой хороший мальчишка Алька. А сосны шумели все так же тихо и спокойно, а в море плескалось заходящее солнце.

И мне кажется, что когда хоронил Гайдар своего Альку над самым синим-синим морем под строгими соснами, он

думал погибнуть так же, как Алька, как Мальчиш-Кибальчиш. И оно так и случилось.

«Всадник, скачущий впереди...» Как много я отдала бы за час беседы с Вами. И не Вы ли научили меня по-настоящему крепко любить свою Родину? И не Ваша ли заслуга в том, что В. А. Барочкина говорила, что у меня пишется просто, очень просто, и очень хорошо?

Нина Петровна Шаламова
Дневник любви

Дневник

Автор идеи: *А.Е. Попов.*

Корректор *Ю. Линькова*
Верстка *В.Б. Феркель.*

Сдано в набор 23.11.07 г. Подписано в печать 6.12.07 г.

Гарнитура Петербург. Бумага офсетная.

Формат 84×108/32. Объем 5,88 усл.-печ. л.

Заказ № 48.

Тираж 200 экз.

Издательство «Цицero»
454080, г. Челябинск, Свердловский пр., 60.

Отпечатано в типографии
ООО «Тираж Сервис»
454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 179.